

63.3(2)6

С12

КР 1378983

На правах рукописи

Саблин Василий Анатольевич

**Крестьянский двор на Европейском Севере России
в 1917–1920-е годы**

Специальность – 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Архангельск – 2006

63.3(2)65
С.И. Бобин
В.И. Бобин
17.05.07

Работа выполнена на кафедре отечественной истории ГОУ ВПО
«Вологодский государственный педагогический университет»

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
Безнин Михаил Алексеевич

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Есиков Сергей Альбертович
доктор исторических наук, профессор
Рогалина Нина Львовна
доктор исторических наук, профессор
Шубин Сергей Иванович

Ведущая организация:

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН

Защита состоится 27 декабря 2006 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.191.02 при Поморском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 163006, Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7, учебный корпус № 2, ауд. 210

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Автореферат разослан _____ 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор исторических наук, доцент

Соколова Ф.Х.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена той ролью крестьянского двора, которую он играет в социально-экономическом развитии России и, в частности, Европейского Севера, а также научной значимостью проблемы развития аграрной подсистемы экономики страны. Наличие высокоэффективного аграрного производства воспринимается современным российским обществом как обязательное условие возрождения страны, что, в свою очередь, требует осмысления исторической роли крестьянского хозяйства в контексте переломных этапов развития России и дает возможность приблизиться к пониманию целого комплекса экономических, политических, социальных проблем прошлого и настоящего современной России.

Изучение базовых параметров двора как важнейшего субъекта сельскохозяйственного производства в условиях «военного коммунизма» и нэпа позволяет определить, в какой степени политика властей влияла на подчинение государству сельского товаропроизводителя и материализацию идеи «социализации» аграрной сферы, как происходило усиление внеэкономических институтов при постоянном ограничении единоличного производства.

В свою очередь, знание конкретных механизмов функционирования и эволюции индивидуального крестьянского двора 1917–1920-х гг., взятых во взаимосвязи демографических, производственных и социальных факторов, позволяет оценить внутреннее содержание тех масштабных изменений, которые происходили в аграрной сфере страны после 1917 г., равно как и понять первоосновы политики 1930-х гг., имевшей целью завершение процесса модернизации страны, начатого еще в начале XX в. Актуальность комплексного осмысления проблемы экономических основ, уровня саморазвития и адаптационных возможностей единоличного крестьянского двора в системе общественно-политических и экономических координат, порожденных 1917 годом, становится бесспорной.

Благоприятные научные и творческие возможности для более глубокого, всестороннего и объективного изучения модернизационных изменений в развитии деревни на региональном уровне создают условия для научного анализа, выявления общих черт и своеобразия крестьянской экономики отдельных территорий страны, трансляции социального и производственного опыта, формирования аграрной политики. В условиях современной многоукладной экономики Российской Федерации, в которой получили развитие генетически восходящие к крестьянской экономике производственные формы, сельское домохозяйство вновь становится одним из агентов организации аграрного производства, а значит многое из того, что нес в себе опыт 1917–1920-х гг., не утратило теоретического и практического значения.

Степень научной разработанности темы. Эволюция двора как особой формы ведения сельского хозяйства, рассматриваемая в широком контексте крестьянской экономики, его основные элементы и изменение статуса в пере-

ломные периоды российской истории всегда вызывали живейший интерес в научных кругах, приводили к оживленным дискуссиям. Для выяснения уровня научной разработки проблемы необходимо обращение не только к историографии крестьянского двора Европейского Севера России, но и к комплексу крестьяноведческих исследований, которым располагает аграрная наука, включая работы историков-аграрников, экономистов, политиков. Детальный анализ степени разработанности темы представлен в I главе диссертации. Здесь же обозначим основные подходы автора к периодизации изучения проблемы и ключевые положения исследования.

Жизнедеятельность крестьянства и базовые характеристики сельского дворохозяйства в меняющихся условиях революции 1917 г. стали предметом изучения, начиная с 1918 г. Тем самым закладывались основы советской историографии данного вопроса. На протяжении 1920-х гг. крестьянский двор являлся предметом пристального внимания со стороны партийных, государственных и общественных деятелей. В силу того, что крестьянский двор был важнейшим субъектом аграрной подсистемы экономики страны, его важнейшие характеристики изучались экономистами разных уровней. Но если ученые-аграрники интересовала, в первую очередь, морфология крестьянского хозяйства, то исходным моментом в работах обществоведов являлось представление о крестьянском дворе как объекте государственной политики. Такого рода работы, как правило, не имели под собой солидной источниковой базы, базировались на эмпирических наблюдениях и выводах.

Смена парадигм экономического развития и изменение аграрного строя страны в конце 1920-х – 1930-е гг. привели к формированию совершенно особого типа сельского производителя – колхозного крестьянства. Традиционное крестьянское хозяйство уходило в прошлое. Соответственно, с этого периода складываются основы формулирования заявленной темы исследования и собственно историографии проблемы. На протяжении 1930–2000-х гг. наблюдаются процессы постепенного, порой противоречивого накопления знаний по проблеме, значительного расширения источниковой базы исследований, оформления методологических основ анализа проблемы, формирования научных направлений и школ.

Процесс складывания историографии изучаемой темы внутренне неоднороден и напрямую обусловлен теоретико-методологическим осмыслением проблемы, состоянием источниковой базы и спектра изучаемых вопросов. В данном контексте развитие историографии проблемы распадается на ряд периодов, органично связанных с общими тенденциями изучения истории страны советской эпохи, таких как: 1) 1917 – конец 1920-х гг. – зарождение историографии проблемы; 2) конец 1920-х – 1950-е гг.; 3) конец 1950-х – середина 1970-х гг.; 4) конец 1970-х – 1980-е гг.; 5) конец 1980-х – 2000-е гг. Следует учесть, что вплоть до начала 1990-х гг. отечественная историография проблемы находилась под жестким диктатом идеологических установок правящей партии, что не могло не сказаться на содержании оценок и выводов большинства исследований.

В целом научная литература, напрямую, а чаще всего опосредованно, касающаяся истории крестьянского двора на Европейском Севере России в 1917–1920-е гг., достаточно представительна и отличается определенными достижениями. Отдельные аспекты изучаемой темы находят отражение в трудах историков-аграрников, экономистов и специалистов в сфере изучения социальных вопросов, тем не менее современное состояние научной разработки проблемы характеризуется, во-первых, отрицанием экономического детерминизма, которое зачастую приводит к тому, что вопросы крестьянского производства, характер экономических связей города и деревни оказываются вне поля зрения историков; во-вторых, противопоставлением эволюции крестьянского двора в период «военного коммунизма» и нэпа, что служит определенным препятствием для анализа внутренней природы крестьянской экономики; в-третьих, односторонним характером рассмотрения проблем: анализу подвергаются лишь количественные показатели крестьянского производства и его место в экономической системе страны; в-четвертых, фрагментарностью изучения крестьянского двора, когда некоторые важные аспекты его жизнедеятельности не рассматриваются с той обстоятельностью, которая диктуется логикой развития (разработка вопросов социальной природы, правового статуса, доходности и товарности сельского двора); в-пятых, слабой проработкой региональных аспектов аграрной подсистемы.

В конечном итоге, при всем многообразии подходов к изучению крестьянской экономики и достигнутых результатах в этом направлении можно констатировать, что изучаемая тема до настоящего времени не являлась предметом специального научного рассмотрения.

Объектом исследования является состояние и развитие аграрного общества в переломный период его эволюции 1917–1920-х гг., когда ведущие позиции в социальной структуре России принадлежали сельскому социуму, а в экономике страны определяющее место занимал сельскохозяйственный сектор, в котором основным и преобладающим видом аграрного производства являлось индивидуальное крестьянское хозяйство.

Предметом исследования служит развитие крестьянского двора в совокупности демографических и хозяйственных характеристик, направленности производственной деятельности, базирующихся на принципах трудовой семейной кооперации.

Целью исследования является анализ хозяйственного строя крестьянского двора на Европейском Севере России, механизмов самовоспроизводства, Уровня устойчивости и оптимальности семейно-трудовых форм ведения сельского хозяйства с учетом общих тенденций социально-экономической модернизации в политике государства 1917–1920-х гг.

Задачи работы формулируются следующим образом:

1) рассмотреть изменение демографических параметров крестьянской семьи и ее функций и на этой основе исследовать основные аспекты занятости

и интенсивности труда крестьянской семьи, определить роль и характер использования наемного труда в единоличном хозяйстве;

2) выявить основные формы ведения сельскохозяйственного производства и обосновать направления их эволюции;

3) определить производственные группы крестьянских дворов на основе выявления базовых характеристик хозяйственного комплекса двора и степени его вовлечения в общественно-экономические связи;

4) дать оценку степени эффективности хозяйственной деятельности, наиболее значимым факторам доходности и уровню товарности крестьянского производства, проанализировать рыночные отношения крестьянского двора и выявить место рынка в семейно-трудовом производстве.

Хронологические рамки исследования. Выбор хронологических рамок диссертации обусловлен тем, что 1917–1920-е гг. являлись относительно цельным этапом в истории российской деревни. Система аграрных отношений в стране всецело базировалась на экономике индивидуального крестьянского двора. Нижняя временная граница работы связана с началом революции 1917 г., которая привела к масштабным земельным преобразованиям, изменила правовой статус крестьянского двора. Верхняя граница – это 1928–1929 гг., которые характеризовались резким отказом от утверждавшейся в годы нэпа экономической модели и форсированным созданием колхозной системы.

Территориальные рамки исследования. В 1917 г. в регион входили 3 губернии: Архангельская, Вологодская и Олонецкая. Административные изменения, такие как выделение в 1918 г. из Вологодской губернии Северодвинской губернии, присоединение Каргопольского уезда Олонецкой губернии к Вологодской губернии в 1919 г., формирование в 1920-х гг. национальных образований – Карельской АССР и АО Коми, внутригубернское районирование, окружная реформа и создание в 1929 г. Северного края, влияли на стабильность территориального устройства Европейского Севера, но существенно не изменили характеристик региона, понимаемого как гомогенное пространство, имеющее физико-географическую, этническую, культурную, языковую общность, а также общность хозяйственных структур и исторической судьбы. Все современные исследования Северного экономического района базируются на этих характеристиках, что значительно облегчает анализ и выявление общих тенденций исторического развития края¹.

Методология исследования базируется на совокупности общенаучных и исторических подходов и методов изучения в их органической цельности. В основу анализа крестьянского двора положены также базовые положения российской исторической и аграрной науки конца XIX–XX в., в частности, теория семейной организации крестьянского хозяйствования, которые были

¹ См. подробнее: Шубин С.И. Северный край в истории России: проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы. Архангельск, 2000.

сформулированы в рамках организационно-производственного направления (в работах А.В. Чайнова, Н.П. Макарова и А.Н. Челинцева).

Фундаментом указанной теории служит тезис о самодостаточном типе натурального по своим характеристикам крестьянского хозяйствования, надформационного по своей сущности, находившего свое выражение в балансе трудовых и потребительских возможностей двора. Крестьянское хозяйство, являясь одновременно частью народнохозяйственного механизма и самоценным семейным организмом, характеризовалось не только отраслевой спецификой и уровнем агрокультуры, отражающими отношение человека к природе, но и стороной социальной. Последняя предполагает наличие социальных функций у крестьянской семьи и определенное место крестьянской экономики в общественном разделении труда и общей экономике, а также исторически обусловленную ими форму включенности крестьянства, являющегося его носителем, в целостный социальный организм.

Еще одна особенность крестьянского хозяйства – соединение в одном лице хозяина-организатора и работника-исполнителя («работающего собственника») придавал особый отпечаток крестьянской собственности – сращенности субъекта со своей собственностью, прежде всего с землей (в рамках локального коллектива или подворного землевладения).

В данном контексте понятийный аппарат теории семейно-трудового хозяйства в основном воспринимается автором в качестве адекватного средства для анализа поставленных задач. В необходимых случаях в тексте исследования содержатся пояснения социально-экономических категорий с учетом их использования в современной исторической науке.

Ведущими принципами в осмыслении темы исследования стали принципы историзма и объективности, что предполагает беспристрастное рассмотрение комплекса исторической литературы и источников, анализ морфологии крестьянского двора как целостного образования, состояния константных величин и модификационных изменений в организации и функционировании крестьянского дворохозяйства, происходивших в нем процессов и явлений на протяжении конкретного исторического периода.

В процессе исследования автор использует как основу общенаучные и специально-исторические методы исследования. Проблемно-хронологический метод дал возможность изучить во временной последовательности динамику ведущих факторов производства крестьянского двора, их численности, структуры семьи, эффективности хозяйства. С помощью метода структурно-функционального анализа были изучены проблемы институционализации новых общественных отношений и роль политико-правовых структур в управлении сельскохозяйственным производством. Историко-сравнительный метод позволил выявить качественные изменения крестьянского производства на разных этапах «восного коммунизма» и нэпа. Историко-генетический метод использовался для изучения процессов и явлений в сфере отношений

найма и аренды земли, товарно-денежных отношений в их развитии, с учетом исторических реалий и правоприменительной практики в этой сфере.

Таким образом, опираясь на совокупность научных подходов и методов исследования, диссертант предпринял попытку показать объективную картину жизнедеятельности крестьянского двора и выявить его типологические черты на Европейском Севере России в изучаемый период.

Источниковая база диссертации. Круг исторических источников, включенных в исследование, достаточно разнообразен. Его детальный анализ представлен в I главе исследования. Здесь же необходимо отметить, что диссертация основана на обширном комплексе источников, включающем в себя основные виды опубликованных и неопубликованных документов. Значительный пласт документов извлечен из фондов 10 федеральных и региональных архивов.

Источники сходной направленности, исходя из общности происхождения, равной степени репрезентативности и единой методики использования, подразделяются на несколько групп: директивные акты ЦК РСДРП (б) – РКП (б) – ВКП (б), материалы партийных съездов, инструктивная документация партийного аппарата и местных губернских и уездных организаций партии; нормативно-правовые документы, законодательные акты (декреты и постановления), резолюции и решения съездов, совещаний, пленумов, сессий, президиумов государственных и народнохозяйственных органов и учреждений: ВЦИК и СНК РСФСР и СССР, комиссариатов земледелия и продовольствия, Центрозема, Всеработземлеза, Главкомтруда; документы и материалы антибольшевистского архангельского правительства (Верховного управления Северной области и сменившего его Временного правительства Северной области) и его хозяйственных органов; делопроизводственные документы органов власти, партийных структур, различных организаций, налоговых, плановых и земельных органов; статистико-экономические материалы, подразделяющиеся на: массовые источники по статистике народонаселения; материалы по статистике сельскохозяйственного производства; динамические (гнездовые) переписи крестьянских хозяйств; бюджетные обследования крестьянских дворов; материалы периодической печати; мемуары и дневниковые записи.

Ведомственная разобщенность и различия в характере документов, различные целевые установки при их составлении, существенный налет политизированности и идеологизированности в директивной и нормативно-правовой документации потребовал от автора значительных усилий при выяснении степени репрезентативности источников и объективных факторов развития крестьянского двора. В генерализированном виде документы и материалы, вовлеченные диссертантом в научный оборот при использовании методов сравнительного анализа, принципов непротиворечивости и взаимодополняемости источников, позволяют решить поставленные в диссертации задачи.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на диссертационном уровне проведен многосторонний анализ развития крестьянского

двора на Европейском Севере России в 1917–1920-х гг. Основываясь на изучении широкого круга исторических источников и литературы, автор применил комплексный и междисциплинарный подход к исследованию эволюции крестьянского двора в переломный для его истории период, что позволило аргументировать собственное видение закономерностей функционирования семейно-кооперативного объединения и уровня его адаптационных возможностей в условиях трансформации общественного организма России.

В интересах всестороннего освещения сложной по содержанию проблемы в научный оборот впервые вводится значительный пласт источников политико-правового и статистико-экономического уровней, что позволяет обогатить эмпирическую основу изучения крестьянского двора, раскрыть основные факторы развития производственной специализации сельского хозяйства и способствует формированию нового дискурса в развитии аграрной тематики.

Научная новизна полученных результатов исследования и личный вклад автора в разработку темы состоят в следующем:

- впервые в историографии раскрываются внутренние механизмы функционирования крестьянской парцеллы в условиях менявшихся экономико-правовых институтов, экономической политики и масштабного переустройства агросферы страны;

- проводится сравнительный анализ эволюции крестьянского двора в дореволюционное и постреволюционное время, выявляются общие закономерности в развитии хозяйства и выясняются отличительные особенности;

- впервые представляется динамика численности крестьянских дворов и сельского населения Европейского Севера в 1917–1920-х гг., проводится анализ изменений демографических процессов внутри двора;

- впервые на региональном уровне рассматриваются вопросы арендных отношений и отношений найма-сдачи рабочих рук в контексте эволюции экономических взаимосвязей крестьянского двора;

- выявляются отношения между основными факторами доходности и уровнем товарности сельскохозяйственного производства крестьянского двора, проявившиеся в его рыночных связях, которые отражали социальные, экономические и политические императивы переходной модели производственных отношений;

- в диссертации представляется целостный историографический анализ развития крестьянского двора на Европейском Севере страны 1917–1920-х гг.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, в нем впервые на примере региона решается важная для исторической науки проблема функционирования и развития внутренних механизмов семейного хозяйства на протяжении 1917–1920-х гг. и обусловленных ими форм включения двора в общую экономику, до настоящего времени не являвшаяся предметом специального научного осмысления. Материалы работы позволяют расширить концептуальные подходы к осмыслению истории советского доколхозного крестьянства.

В диссертации на основе анализа содержания демографических, производственных, социальных и экономических процессов, протекавших в крестьянском хозяйстве региона, уточняется традиционная историческая интерпретация проблемы противоречивого и сложного процесса самореализации сельского дворохозяйства, тем самым вносится определенный вклад в разработку концепции крестьянского двора и крестьяноведческих исследований в целом.

Базовые положения и выводы диссертации расширяют уровень исторических представлений о крестьянском дворе в России, позволяют выявить общие закономерности и отличительные особенности в его развитии как в масштабах страны, так и на локальном уровне.

Практическая значимость исследования состоит в том, что она восполняет серьезный пробел в знаниях по истории развития семейного производства и факторах, определявших эволюцию аграрной сферы 1917–1920-х гг. в преддверии масштабной модернизации экономического базиса страны. Сформулированные положения и выводы диссертации, фактический материал могут быть включены в исследовательскую базу данных развивающегося научного направления – крестьяноведения, а также могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории эпохи «военного коммунизма» и новой экономической политики 1917–1920-х гг.

Полученные результаты могут применяться в изучении состояния современной многоукладной экономики и формирующейся новой структуры субъектов сельскохозяйственного производства, при подготовке регионоведческих работ, учебных пособий и чтении общих и специальных курсов по истории России, социально-политической и экономической истории.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации, научные результаты и выводы рассмотрены и одобрены на заседаниях кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета, кафедры новейшей истории России Московского педагогического государственного университета; представлены в 59 научных публикациях, в том числе в двух монографиях, общим объемом 33,9 печатных листа, в 3 статьях, опубликованных в ведущих научных журналах и изданиях в соответствии с перечнем ВАК Министерства образования и науки РФ, в 42 статьях в научных сборниках и тезисах 12 статей. Основные положения диссертации изложены на 2 международных, 17 всероссийских и 12 региональных научных конференциях. Наиболее значимыми из них стали XXI – XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы и, в частности: «Аграрный рынок в его историческом развитии» (Свердловск, 1991), «Особенности российского земледелия и проблемы расселения» (Тамбов, 1998), «Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе (землевладение, землепользование, менталитет)» (Вологда, 2000), «Землевладение и землепользование в России» (Калуга, 2002), «Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок» (Орел, 2004).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы и источников, а также приложений, которые включают составленные автором 135 статистических таблиц. Деление диссертации на главы мотивировано общим подходом к изучению крестьянского двора 1917–1920-х гг. как структурной ячейки аграрной подсистемы производства.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновываются актуальность темы исследования, ее хронологические и территориальные рамки, раскрываются цели и задачи работы, дается характеристика историографии и источниковой базы проблемы. Представлена научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Историографические и источниковые основы исследования истории крестьянского двора Европейского Севера 1917–1920-х гг.» посвящена анализу степени изученности темы в отечественной исторической науке и ее источниковой базы. Диссертант отмечает, что основные элементы и статус крестьянского хозяйства в изменяющихся условиях революции 1917 г., стали предметом изучения, начиная с 1918 г. Тем самым закладывались основы советской историографии данного вопроса. Крестьянское домохозяйство в 1917–1920-х гг. становилось ведущим агентом организации сельскохозяйственного производства, что вызывало живейший интерес со стороны представителей власти, общественности и научных кругов.

Авторы опубликованных в эти годы научных исследований принадлежали к двум направлениям. Первое объединяло ученых и практиков сельского хозяйства, придерживавшихся общедемократической традиции в историографии. Мировоззренческой основой второго направления служили идеологические установки руководства страны, в первую очередь, В.И. Ленина, придерживавшегося теории первоначального социалистического накопления за счет эксплуатации частного сектора экономики. В.И. Ленин рассматривал будущий строй как бестоварный социализм. Характеризуя крестьянство, он противопоставлял свойственные ему черты собственника и труженика².

В центре внимания исследователей первого направления (Н. Д. Кондратьев, Н. Орлов, С.А. Первушин, В.М. Устинов) находились вопросы аграрного законодательства, продовольственного дела³, национализации земли и ее

² Ленин В.И. Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие // Полн. собр. соч. Т. 34. Он же. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профсоюзов (17 января 1919 г.) // Полн. собр. соч. Т. 37; Он же. Тезисы доклада о тактике РКП (б) // Полн. собр. соч. Т. 44 и др.

³ Орлов Н. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919; Кондратьев Н.Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М., 1922; Первушин С.А. Вольные цены и покупательная сила русского рубля. 1917–1921 гг. М.; Л., 1922; Устинов В.М. Эволюция внутренней торговли СССР с 1913 г. по 1924 г. М., 1925 и др.

уравнительного распределения, развития товарно-денежных отношений, производственной деятельности крестьянского двора. Социально-экономические процессы в деревне связывались преимущественно с переделом земли как таковым. Было положено начало изучению вопросов сельскохозяйственного производства и производственных отношений, рыночных связей крестьянского двора, влияния налоговой политики государства на хозяйственную мобильность деревни, проводились бюджетные обследования крестьянских дворов и были сделаны первые выводы из их анализа⁴.

Благодаря работам А.В. Чаянова в 1920-е гг. окончательно оформляется организационно-производственное направление общественной мысли, центральным звеном которой становится идея исторической устойчивости крестьянского хозяйства и повышения его эффективности в условиях товарно-денежных отношений⁵. Данная концепция сразу же нашла своих оппонентов как в лице сторонников «фермеризации» крестьянского производства (Л.Н. Литошенко, в частности, отмечал, что если крестьянин в конечном счете думает только о потреблении, то «его ближайшей и конкретной целью будет всегда получение максимального дохода, создание продукта, имеющего максимальную рыночную ценность»⁶), так и в лице апологетов классового подхода в оценках организации крестьянского производства. В работах Я.А. Анисимова, Н.Д. Верминичева, М. Сулковского и других был выдвинут тезис об организационно-производственных различиях между экономическими группами крестьянских хозяйств⁷.

На страницах «Вестника статистики» и «Статистического обозрения» дискутировались вопросы о принципах и эффективности различных группировочных признаков крестьянских хозяйств, о характере межкрестьянских производственных отношений. Был поставлен вопрос о внутренней сущности отношений найма и аренды земли⁸. В работах А.А. Ельцова, Н.П. Любимова,

⁴ Кириллов И.А. Очерки землеустройства за три года революции (1917–1920 гг.). Пг., 1922; Книпович Б.Н. Очерки деятельности Народного Комиссариата земледелия за три года (1917–1920 гг.). М., 1920; Месяцев П. Земельная и сельскохозяйственная политика в России. М., 1922.

⁵ Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; Он же. Очерки организации сельского кустарно-ремесленного хозяйства. М., 1926.

⁶ Литошенко Л.Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923. (По нашему мнению, следует признать, что высказанное соображение не столько противоречило теории трудопотребительского баланса, сколько дополняло ее. Прав А. В. Гордон, когда пишет, что, «побуждая к росту производства, рынок способствовал реализации имманентных возможностей развития крестьянского хозяйства». См.: Гордон А.В. Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении (90-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 3. М., 1999.

⁷ Анисимов Я.А., Верминичев Н.Д., Наумов К.И. Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп. М.; Л., 1927; Сулковский М. Классовые группы и «производственные типы» крестьянских хозяйств. М., 1930.

⁸ Немчинов В.М. Опыт классификации крестьянских хозяйств // Вестник статистики. 1928, № 1; Мельников А. Сроковые рабочие в крестьянских хозяйствах и сельских обществах // Статистическое обозрение. 1927. № 4 и др.

Г. Раевича, А.И. Гайстера и других был сформулирован вывод о низкой товарности крестьянского производства, уменьшаемой к тому же обратными закупками, о недостаточной емкости крестьянского рынка на промышленные товары хозяйственного назначения, о неизбежности обслуживания распяленного мелкого крестьянского рынка посредническим торговым капиталом⁹.

Несмотря на преувеличенную оценку роли частного капитала в экономике нэпа, в литературе 1920-х гг. были выявлены основные направления предпринимательской активности сельского населения, обозначена тенденция формирования замкнутого круга товарного обращения, минуя государственный сектор и кооперацию. Обращают на себя внимание выводы Б.Д. Бруцкуса, согласно которым частная торговля наряду с промышленностью выполняла роль автоматических регуляторов советской плановой экономики, ограничивающих эксплуатацию крестьянства со стороны социалистического сектора. По его мнению, с момента полного установления плановой экономики народное хозяйство стало погружаться в натурально-хозяйственный хаос, который возможно было регулировать лишь продуктовыми карточками и принуждением¹⁰.

В работах Я.А. Анисова, А.И. Дикова, М.И. Кубанина содержался анализ производственной организации крестьянских хозяйств и эффективности использования рабочей силы¹¹, который позволял изучить направление аграрного развития, сравнить результаты производственного процесса в различных группах крестьянства, определить влияние государственной политики на индивидуальное крестьянское хозяйство и возможности его развития в новых социально-экономических условиях.

Учреждение и функционирование в 1920-х гг. целой сети краеведческих обществ («Архангельское общество изучения Русского Севера», «Вологодское общество изучения Северного края», «Северо-Двинское общество изучения местного края», «Общество изучения Коми края») содействовало формированию регионального направления в изучении крестьянского двора и сплочению различных исследовательских направлений. Выводы Н. Воленса, Д.И. Деларова, В. Жилина и С. Ободовского о сравнительно низком сокраще-

⁹ Ельцов А.А. Товарность крестьянских хозяйств Архангельской губернии. Архангельск, 1925; Гайстер А.И. Расслоение советской деревни. М., 1928; Любимов Н.П. Рынок сельскохозяйственных товаров // Бюллетень Конъюнктурного института. 1929. № 1; Раевич Г. Денежный баланс крестьянского хозяйства // Статистическое обозрение. 1927. № 5 и др.

¹⁰ Бруцкус Б.Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. М., 1999.

¹¹ Анисов Я.А., Верминичев И. Д., Наумов К.И. Производственная характеристика крестьянских хозяйств разных социальных групп. М.; Л., 1927; Диков А.И. Организация труда в крестьянском хозяйстве. М., 1928, Кубанин М.И. Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств (Экономическое исследование). М., 1929; Немчинов В.С. Избранные произведения. Т.1. М., 1967; Сулковский М. Классовые группы и производственные типы крестьянских хозяйств. М., 1930; Хрящева А.И. Условия подъема и дифференциация крестьянства // Большевик. 1925. № 5-6 (21-22) и др.

нии посевных площадей и валовых сборов зерна в конце Гражданской войны по сравнению с 1917 г., сохранении элементов товарности крестьянского животноводства, обусловленности некоторых подвижек в развитии земледелия и животноводства внутренними запросами крестьянской семьи, прогрессирующей натурализации производственных отношений и хозяйственных связей северной деревни по сей день являются достаточно актуальными¹².

В целом период 1920-х гг. в изучение крестьянского хозяйства был одним из наиболее продуктивных периодов в отечественной и региональной историографии. Относительный плюрализм мнений и оценок, отсутствие ярко выраженного идеологического заказа, широкий спектр теоретико-методологических подходов, введение в научный оборот целых пластов статистических источников по крестьянской семейной кооперации значительно обогатили теоретический багаж исследователей. Научные достижения 1920-х гг. составили базу для формирования нового направления в исторической науке – крестьяноведения.

В конце 1920-х – 1950-х гг. профессиональную деятельность ученых все более жестко ограничивал идеологический контроль со стороны партийно-государственных структур. Смена аграрного строя привела к резкому снижению интереса к крестьянскому хозяйству предшествующего периода. В работах А.Н. Аксенова, М.К. Ветошкина, М.И. Шумилова и других подчеркивалось позитивное значение советского опыта в урегулировании поземельных отношений в период Гражданской войны¹³. История нэпа сводилась к утверждению о якобы планомерном восстановлении хозяйства страны и создании в ходе индустриализации предпосылок социалистического преобразования деревни, опираясь на которые, партия осуществила коллективизацию сельского хозяйства и завершила строительство социализма¹⁴.

Определенным достижением этого периода явилась широкая публикация юбилейных сборников материалов по истории революции¹⁵, что позволило

¹² Воленс Н. Промыслы и сельское хозяйство Печорского края (Отчет рескогносцировочного экономического исследования за 1921 г.). М.; Л., 1924; Деларов Д.И. Крестьянское хозяйство Северной области (скот и его роль в крестьянском хозяйстве Севера) // Труды Вологодского молочно-хозяйственного института. Т.2. Вологда. 1923; Жилин Н. Сельскохозяйственный промысел Северо-Двинской губернии // За работу. 1921. № 2–3; Ободовский С. Земледелие на Севере Европейской России // О земле. Вып. 3. М., 1922 и др.

¹³ Аксенов А.Н., Потылицын А.И. Победа Советской власти на Севере. 1917–1920 гг. Архангельск, 1957; Ветошкин М.К. Становление власти Советов на Севере РСФСР. М., 1957; Чудодеева Л.И. Октябрь в вологодской деревне // Вологодский край. Вып. 1. Вологда, 1959; Зыкин В.Г. Комитеты бедноты на территории Коми АССР. Сыктывкар, 1952 и др.

¹⁴ Лященко П.И. История народного хозяйства. М., 1956. Т. 3; Гладков И.А. Очерки советской экономики, 1917–1920 гг. М., 1956 и др.

¹⁵ Борьба за установление и упрочение Советской власти на Севере: Сб. документов и материалов. Архангельск, 1959; За власть Советов: Воспоминания вологодских большевиков. Вологда, 1957; Комитеты бедноты Северной области: Сб. док. Л., 1947; Комитеты бедноты в Коми крае: Сб. док. Сыктывкар, 1958 и др.

ввести в научный оборот массу новых исторических источников. На их основе были написаны работы, касающиеся вопросов земельного передела и изменений социальной структуры деревни¹⁶.

Период с конца 1950-х до начала 1970-х гг. был официально объявлен временем восстановления «ленинской концепции» исторического процесса, избавлением от сталинских ошибок и извращений. Этим целям должны были служить состоявшиеся в 1961 и 1969 гг. в Институте истории СССР АН СССР первые две сессии научного совета по истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. Особый интерес и полемику в научных кругах вызвало выступление И.А. Чемерисского, посвященное влиянию аграрной революции 1917–1918 гг. на сельскохозяйственное производство в СССР, развитию производительных сил крестьянского хозяйства, дроблению крестьянских семей и уровню товарности сельскохозяйственного производства в 1920-е гг., а также доклад Ю.А. Полякова об основных этапах и социально-экономических итогах аграрной революции и др.¹⁷

Несколько активизировало крестьяноведческие исследования организационное оформление отечественной аграрно-исторической науки в рамках Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, первая сессия которого состоялась в 1958 г. Качественный сдвиг в изучении социально-экономических проблем развития деревни Европейского Севера был связан с образованием в 1967–1969 гг. Вологодского проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера СССР и Северного отделения Археографической комиссии АН СССР. Внимание историков, специализирующихся на проблемах социальной и экономической истории крестьянства, концентрировалось преимущественно на вопросах землепользования и земельных отношений. А.М. Анфимов, В.П. Данилов, П.Н. Першин и другие пытались подвергнуть анализу уровень капитализации аграрного строя России начала XX в., характер революции в деревне, социально-экономическое развитие доколхозного крестьянства¹⁸. М.П. Широкова ограничилась характеристикой классовой политики партии в северной деревне¹⁹.

Со второй половины 1970-х гг. стало ясно, что аграрная наука вращалась в кругу традиционных представлений. Выход усматривался в приведении эм-

¹⁶ Луцкий Е.А. О сущности уравнительного землепользования в Советской России // История СССР. 1956. № 9; Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне // История СССР. 1958. № 3.

¹⁷ Поляков Ю.А. Социально-экономические итоги аграрных преобразований Октябрьской революции. 1917–1920 гг. М., 1961; Чемерисский И.А. Влияние аграрной революции 1917–1918 гг. на сельскохозяйственное производство в СССР // Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы научной конференции 9–12 июня 1969 г. М., 1971.

¹⁸ Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961; Першин П.Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование в 2-х книгах. М., 1966 и др.

¹⁹ Широкова М.П. О некоторых вопросах политики партии по отношению к кулачеству в первые годы нэпа // Сборник работы аспирантов. Вып. I. Ученые записки ВГПИ. Т. 36. Вологда, 1967.

пирического материала в соответствии с доктринальной схемой, что нашло отражение в издании большого количества историографических работ. Их теоретическая значимость не столь очевидна, так как они создавались в рамках традиционных методологических установок²⁰. Оформилась группа исследователей сибирской и дальневосточной деревни, сходной по своим исходным параметрам с деревней Европейского Севера (Л.М. Горюшкин, Н.Я. Гущин, Ю.В. Журов, В.И. Шишкин, Э.М. Щагин)²¹. Одновременно появились сборники статей, посвященных развитию северного крестьянства²². Оживленную дискуссию вызвал вопрос о характере аграрных изменений на Европейском Севере. Предметом обсуждения явилось утверждение В.И. Ленина о сочетании в ходе революции двух задач: общедемократической борьбы за ликвидацию феодальной собственности («мимоходом») и борьбы внутри крестьянства за раздел капиталистической земельной собственности²³.

В целом 1970–1980-е гг. характеризовались интенсивным потоком крестьяноведческих публикаций²⁴, однако накопленный фактический материал интерпретировался в рамках традиционных суждений. Своего рода исключением стали фундаментальные монографии В.П. Данилова²⁵, посвященные анализу развития индивидуально-семейного крестьянского хозяйства, которое рассматривается в контексте экономических и социальных процессов, протекавших в доколхозной деревне. Признавая значимость его выводов, необходимо подчеркнуть, что сегодня они нуждаются в дальнейшей разработке. Следует отметить монографию В.В. Кабанова, – единственную на сегодня работу, анализирующую экономическую составляющую крестьянского хозяйства эпохи «военного коммунизма» в масштабах страны²⁶.

²⁰ Погодин В.И. Путь советского крестьянства к социализму: Историографический очерк. М., 1975; Чинчиков А.М. Советская историография социалистических преобразований сельского хозяйства СССР (1917–1969 гг.). М., 1971; Он же. Советская историография первых аграрных преобразований и начального этапа колхозного строительства (1917–1973 гг.). Саратов, 1974 и др.

²¹ Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937). Новосибирск, 1983; Щагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин. М., 1974 и др.

²² Хозяйство северного крестьянства в XVII – начале XX вв.: Межвузовский сб. научных трудов. Сыктывкар, 1987; Социально-экономическое развитие северной деревни (советский период): Межвузовский сб. научных трудов. Вологда, 1988.

²³ Губарева В.М. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти на Северо-Западе России. Л., 1982; Рапорт Ю.М. Осуществление экономической политики Коммунистической партии в условиях Европейского Севера. 1917–1925. Л., 1984.

²⁴ История советского крестьянства: В 5-ти томах. Т. I. Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917–1927. М., 1986; Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986 и др.

²⁵ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

²⁶ Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.

С конца 1980-х гг. крушение господствующей идеологии, признание права ученых на свободу в выборе тем исследования обусловили расширение крестьяноведческой проблематики. Изменились условия организации научных исследований, наряду с традиционными центрами исследования аграрных проблем (Научный Совет по аграрной истории при Отделении истории РАН) появились новые в Тамбове, Новосибирске, Вологде. Качественно видоизменилась тематика высшего в России форума историков-аграрников – Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

Главной особенностью историографии аграрно-крестьянского вопроса на данном этапе является стремление к концептуальному осмыслению проблем²⁷. Впервые в исторической науке А.В. Гордон классифицировал типологию семейного хозяйствования в крестьяноведении конца XIX–XX вв. и обосновал критерии крестьянского хозяйства как антропологической категории²⁸. Работы М.А. Безнина, О.В. Артемовой, М.Н. Глумной вернули исследователей региона к проблеме изучения совокупности внутренних и внешних факторов эволюции крестьянского двора советской эпохи²⁹. В свою очередь В.И. Коротаев обосновал ведущий принцип крестьянского хозяйствования на Европейском Севере конца XIX – 1920-х гг., определяемый им как природно-хозяйственная целесообразность³⁰.

Интерес к крестьянскому социуму привел исследователей к анализу его поведенческих характеристик. Наметился отход от традиционных критериев рассматривания крестьянства в период революции и Гражданской войны, началось изучение психологических факторов в объяснении «красной смуты» и возвращение крестьянину статуса активного субъекта исторического процесса³¹. По мнению В.П. Данилова и Т. Шанина, социальные революции в России совершались на фоне крестьянской революции. Конкретные результаты революции вызывали неоднозначные оценки: от победы деревни в войне с

²⁷ См.: Никольский С.А. Аграрный курс России (мировоззренческие реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах). М., 2003.

²⁸ Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989.

²⁹ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М.; Вологда. 1991; Глумная М.Н. Единичное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933–1937 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1994; Артемова О.В. Крестьянский двор на Европейском Севере (вторая половина 1930-х – 1940-е годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1997.

³⁰ Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск, 1998.

³¹ Гражданская война в России и на русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999; Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве гражданской войны. Архангельск, 2005; Меняющаяся Россия в изменяющемся мире: Сб. статей. М.; Архангельск, 2001, Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вып. 1–5. Вологда, 2000–2004.

большевиками, заставившей последних ввести нэп³², до безусловного проигрыша крестьянства³³ или, в лучшем случае, бесплодных результатов³⁴.

Активно изучаются составные части крестьянского сообщества, в частности, социальный облик кулака. По мнению Г.Ф. Доброноженко, в 1920–1930-х гг. кулачество являлось идеологическим конструктом властей и представляло собой социальную группу крестьян, подвергавшуюся ограничениям и репрессиям по политическим мотивам³⁵.

В 1990-х гг. было положено начало системному изучению аграрного курса белой власти, его влияния на крестьянское хозяйство³⁶. В качестве ведущих факторов формирования крестьянского курса большевиков в 1917–1920-х гг. выделялись доктринальные факторы, вытекавшие из отрицания большевиками действий экономических законов капитализма³⁷.

Заслуживает внимания оценка аграрных изменений с позиций теории катастрофического регресса, следствием которого стало, с одной стороны, усиление экономической роли государства, с другой, попятное движение крестьянского двора к практике натурального хозяйства и, как результат, укрепление традиционных черт аграрного общества³⁸. В данном контексте нэп характеризовался как противоречивый этап истории российской деревни, на который оказывали воздействие антирыночные факторы и этатические процессы (Н.Л. Рогалина, В.В. Кабанов, Э.М. Шагин)³⁹. В исследованиях, посвященных раз-

³² Ашцрев В.М. Российское крестьянство: навстречу судьбе 1917–1920. М., 1997; Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996.

³³ Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX века. М., 1997.

³⁴ Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997.

³⁵ Доброноженко Г.Ф. Интерпретация социальной группы «кулак» в российской литературе: социально-экономические группы или результат властной номинации? // Российская политика: прошлое, настоящее, будущее: Сб. трудов. Сыктывкар, 2002.

³⁶ Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993; Лончаков Ю.Г. Аграрная политика временных государственных образований в Сибири в 1918–1919 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997; Осипов В.И. Земства Европейского Севера России в 1917–1920 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2000; Расторгуев С.В. Аграрная политика колчаковского правительства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Решетников Н.И. Аграрная политика партий на Дальнем Востоке России (1917–1922 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 1996; Цветков В.Ж. Аграрная политика белогвардейских правительств Деникина и Врангеля (1919–1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996 и др.

³⁷ Булдаков В.П., Кабанов В.В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3; Телицын В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М., 1998.

³⁸ Безнин М.А., Димони Г.М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005.

³⁹ Рогалина Н.Л. Аграрные реформы в России 10–20-х годов (историко-сравнительный анализ) // Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2 т. Т. 1. М., 2002; Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX века. М., 1997; Шагин Э.М. Альтернативы «революции сверху» в советской деревне конца 1920-х годов: суждения и реальность // Власть и общество России. XX век. Сб. науч. трудов. М.: Тамбов, 1999 и др.

витию сельского хозяйства (С.А. Есиков, А.А. Иванов, В.А. Ильиных и др.), отмечается, что после уравнительного перераспределения земли 1917–1921 гг. крестьянское хозяйство приобрело натурально-потребительский характер⁴⁰. Несколько большим импульсом к развитию, судя по работам И.И. Климина и Д.В. Ковалева, обладали хозяйства подстоличных губерний, сохранивших модернизационный потенциал предвоенного времени⁴¹.

В конечном итоге анализ степени научной разработки проблемы приводит к выводу о том, что при имеющихся несомненных достижениях в исследовании истории крестьянства первых лет Советской власти крестьянский двор на Европейском Севере страны в совокупности его базовых характеристик не являлся объектом специального исследования ученых.

По этой причине анализ основных тенденций развития крестьянского двора потребовал дополнительного привлечения к исследованию как опубликованных исторических источников, так и архивных документов. Автором изучены фонды архивов всех административных субъектов современного Европейского Севера России и ведущих архивов страны, в которых сосредоточена документация обобщающего характера по проблеме. Основываясь на типологической общности документов, выделены несколько групп источников.

К первой группе источников относятся директивные акты ЦК РСДРП (б) – РКП (б) – ВКП (б), материалы VIII – XV съездов партии, инструктивная документация партийного аппарата⁴² и местных губернских и уездных организаций партии (постановления и резолюции губернских, уездных и районных партконференций, пленумов, циркуляры, инструкции, распоряжения). В массе своей они опубликованы, но в последнее время выпали из сферы внимания исследователей⁴³. Значительная часть директивной информации партийных

⁴⁰ Виноградов С.В. Мелкотоварное крестьянское хозяйство Поволжья в 1920-е годы. М., 1998; Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921–1928 гг.). Тамбов, 2004; Иванов А.А. Доколхозная деревня Марийской автономной области (Производительные силы крестьянского хозяйства и сельскохозяйственное производство в 20-е годы XX века). Йошкар-Ола, 2003; Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.

⁴¹ Климин И.И. Крестьянское хозяйство Ленинградской губернии в середине 20-х годов // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1994; Ковалев Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). М., 2004.

⁴² Директивы ВКП (б) в области хозяйственной политики за десять лет [1917–1927 гг.]. М.; Л., 1928; Директивы ВКП (б) по хозяйственным вопросам. М.; Л., 1931; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам 1917–1957 гг.: Сб. документов в 4-х т. М., 1957; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954.: В 3 ч. Ч. 1. 1898–1924. Изд. 7-е. М., 1954; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет: В 5 т. Т. 1. 1917–1928 гг. М., 1967 и др.

⁴³ XII-я Архангельская губернская конференция ВКП (б) (22–29 октября 1927 года). Архангельск, 1927; Материалы к XVI Вологодской конференции ВКП (б). Вологда, 1927; Материалы к XVII Вологодской губернской конференции ВКП (б). Вологда, 1927; Материалы к XVIII Вологодской

структур края извлечена из фондов губкомов и укомов Государственного учреждения Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУРК «НАРК»), Карельского государственного архива новейшей истории (КГА-НИ), Государственного архива общественно-политических организаций и формирований Архангельской области (ГАОПДФ АО), Вологодского областного архива новейшей политической истории (ВОАНПИ).

Привлечение директивной документации к исследованию позволило в полном объеме оценить характер партийно-политических установок в отношении крестьянского двора 1917–1920-х гг. При анализе политико-партийных документов автор руководствовался известным положением о том, что разработка основ аграрной политики 1917–1920-х гг. была связана с теоретическими работами В.И. Ленина. Последовательная эволюция его подходов к осмыслению социально-экономических реалий 1917–1920-х гг. влияла на политику, проводимую в деревне правящей партией.

Вторая группа источников включает в себя большей частью опубликованные нормативно-правовые документы, законодательные акты (декреты и постановления), резолюции и решения съездов, совещаний, пленумов, сессий, президиумов государственных и народнохозяйственных органов и учреждений: ВЦИК и СНК РСФСР и СССР, комиссариатов земледелия и продовольствия, Центрозема, Всеработземлеса, Главкомтруда и др.⁴⁴ Официальная информация о решениях и резолюциях местных Советов и хозяйственных органов доводилась до сведения общественности⁴⁵. Как правило, принимаемые на местах постановления, не противоречили установкам центра тем не менее

губернской конференции ВКП (б). Вологда, 1928; Постановления и резолюции XI Северодвинской губернской партийной конференции. Великий Устюг, 1925; Резолюции 13-й Архангельской губернской конференции ВКП (б) 6–15 января 1929 г. Архангельск, 1929; Резолюции IX Коми областной партийной конференции, работавшей с 8 по 15 марта 1929 года. Усть-Сысольск, 1929; Резолюции VIII губернской партийной конференции (20 — 26 декабря 1928 г.). Вологда, 1929; Резолюции X Архангельской губернской конференции РКП (б). Архангельск, 1925; Сборник директив, постановлений ЦК и Каробкома ВКП (б). Петрозаводск, 1928 и др.

⁴⁴ Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М., 1954; Декреты Советской власти Т. I–XIV. М., 1957–1999; Материалы по истории социалистического лесного законодательства. (1917–1945 гг.). М.; Л., 1947; Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954. М., 1954; Съезды Советов Союза ССР, Союзных и автономных советских социалистических республик. Сборник документов 1917–1936: В 3 т. М., 1959; Управление народным хозяйством СССР. 1917–1940 гг. Сборник документов. М., 1968.

⁴⁵ Борьба за торжество Советской власти на Севере (1918–1920). Архангельск, 1967; Борьба за установление и упрочнение Советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1957; Десятый Архангельский губернский съезд Советов (16–24 марта 1925 г.). Отчет. Архангельск, 1925; Десять лет Советской Карелии. 1920–1930. Петрозаводск, 1930; Десять лет социалистического строительства Автономной области Коми с 1921 по 1931 г. Материалы к отчету Облисполкома Автономной области Коми перед правительством о состоянии советского, хозяйственного и культурного строительства за 10 лет. Сыктывкар, 1931; XI Архангельский губернский съезд Советов 2–9 марта 1926 года. Архангельск, 1926; IV сессия Архангельского губернского земельного комитета. Протоколы и доклады. Архангельск, 1918; XV лет Коми автономной области. 1921–1936. Сыктывкар, 1936 и др.

крайне важную для исследования информацию, касающуюся основы обсуждаемых проблем, характера подходов к вопросу, содержит как отчетная, так и постановляющая документация органов власти⁴⁶. Особый пласт информации несут в себе информационные сводки ВЧК, позволяющие судить о хозяйственном строе, политических настроениях деревни⁴⁷.

Анализ партийно-государственной и законодательно-правовой документации позволил определить основные направления политики в отношении крестьянского двора и ее преломление на локальном уровне, охарактеризовать деятельность властных структур по руководству крестьянским хозяйством, сопоставить планы и реальное состояние дел в деревне в 1917–1920-е гг.

Третью группу источников, по своему содержанию близких ко второй группе, но самодостаточных, составляют документы и материалы антибольшевистского архангельского правительства и его хозяйственных органов. В основу законодательно-правовой деятельности белой власти были положены юридические нормы российского законодательства 1860–1910-х гг., а также правовые акты Всероссийского Временного правительства⁴⁸. Документы этой группы находятся в основном в фондах государственных архивов Архангельской области и Республики Коми, фонде Северного правительства Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Источниковедческий анализ

⁴⁶ Год работы. Отчет избирателям С.-Двинского губисполкома (12 декабря 1923 по 20 января 1925 г.). Великий Устюг, 1925; Два года работы Северо-Двинского губернского исполнительного комитета (с 1 апреля 1927 по 16 марта 1929 г.). Великий Устюг, 1929; Итоги работ первого съезда Советов Северного края (19–23 августа 1929 г.). Постановления съезда и тезисы для докладов. Архангельск, 1929; Итоги работы двух лет. На персвале. Отчет избирателям Северо-Двинского губисполкома (30 января 1925 г. – 10 февраля 1926 г.). Великий Устюг, 1926; Наша работа, наши задачи. Отчет губисполкома за 1925–26 год XII губернскому съезду Советов. Архангельск, 1927; Отчет Коми областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов рабочим и крестьянам области с 1-го октября 1923 г. по 1-е августа 1924 г. Усть-Сысольск, 1924; Отчет о деятельности Вологодского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1925–26 хозяйственный год. Вологда, 1927; Отчет Областного исполнительного комитета Коми автономной области за 1926–27 – 1927–28 год. Усть-Сысольск, 1929; Отчет Северо-Двинского губернского исполкома (18 февраля 1926 – 21 марта 1927 г.). Великий Устюг, 1927; Постановления XI-го Северо-Двинского губернского съезда Советов 10–18 февраля 1926 г. Великий Устюг, 1926; Постановления XII-го Архангельского губернского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (20–25 марта 1927 г.). Архангельск, 1927; Постановления 1-го Северо-Двинского окружного съезда Советов 2–6 августа 1929 г. Великий Устюг, 1929; Постановления 7-го Коми областного съезда Советов, работавшего с 16-го по 22-е марта 1929 г. Усть-Сысольск, 1929; Постановления XII Северо-Двинского губернского съезда Советов 21–29 марта 1927 года. г. Великий Устюг, Северо-Двинской губернии. Великий Устюг, 1927; Постановления XI-го Северо-Двинского губернского съезда Советов 10–18 февраля 1926 года. Великий Устюг, 1926 и др.

⁴⁷ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. М., 1998–2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы В 5 т. Т. I. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999.

⁴⁸ Собрание узаконений и распоряжений Верховного Управления и Временного правительства Северной области, издаваемое Консультацией при Управляющем отделом Юстиции со 2 августа 1918 по 15 ноября 1919 г. № 1–25. Архангельск, 1919.

текстов аграрных законов белой власти приводит к выводу о том, что все они по сути своей являлись паллиативом правовых норм столыпинской аграрной реформы и Земельного закона Учредительного собрания, правда, с известными поправками, которые диктовались изменившейся после революции обстановкой в деревне, представляли собой своеобразный симбиоз либерально-буржуазных и социалистических (эсеровских) программ.

Четвертую группу источников составляют делопроизводственные документы органов власти, партийных структур, различных организаций, налоговых, плановых и земельных органов. Организационно-распорядительная, докладная, учетно-статистическая, контрольная, отчетная, податная документация и текущая переписка в основе своей не опубликована. Исходя из содержания материала, делопроизводственные источники располагаются в соответствующих фондах ГАРФ, Российского государственного архива экономики (РГАЭ), национальных архивов Республики Карелия (НАРК) и Республики Коми (ГУРК «НАРК»), государственных архивов Архангельской (ГААО) и Вологодской (ГАВО) областей и филиала государственного архива Вологодской области в г. Великом Устюге (ВУФ ГАВО).

Организационно-распорядительные документы регламентировали вопросы выдела и обмежевания земель, обследований крестьянских хозяйств. В них нашли отражение процессы создания и реорганизации властных и хозяйственных структур, регулирования их отношений с крестьянским хозяйством. Докладная документация представлена информационными и аналитическими обзорами, объяснительными записками руководства Советов, учетно-отчетными данными об экономическом и демографическом развитии северной деревни. Со второй половины 1920-х гг. на Европейском Севере сложилась практика ежегодных публикаций «контрольных цифр» по развитию народного хозяйства. До последнего времени они фактически не использовались в северной регионалистике. Между тем они, как правило, снабжались корректным сравнительно-статистическим материалом, позволяющим выявить общие тенденции развития крестьянского двора в системе экономических координат и меняющейся рыночной конъюнктуры.

Пятая группа источников, составившая основу диссертационного исследования, представляет собой статистико-экономические материалы, которые, в свою очередь, можно подразделить на несколько подвидов.

1. Массовые источники по статистике народонаселения включают материалы переписей 1917, 1919, 1920 гг., Всесоюзной переписи населения декабря 1926 г., опубликованные в соответствующих трудах ЦСУ СССР⁴⁹, либо

⁴⁹ Труды ЦСУ. Т. П. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 года. Вып. 1-й. М., 1921; Вып. 3. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. М., 1922; Вып. 8. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. в границах губерний на 1 марта 1922 г. М., 1923; Т. V. Вып. 1. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921; Вып. 2. Поуездные итоги Все-

отдельных изданиях⁵⁰, а также в сборниках местных статистических комитетов и управлений⁵¹. Для преодоления противоречий в сведениях автору потребовались проводить кропотливые подсчеты, проверку и сопоставление фактов, постоянно учитывать сопоставимость территорий в хронологическом соответствии. В данном контексте большой научный интерес представляют материалы Северной краевой плановой комиссии⁵², которые до последнего времени не были введены в научный оборот. Главным их достоинством является сопоставимость территориальных и демографических показателей за 30-летний период истории с 1897 по 1927 г. На их основе проведен анализ естественного движения сельского населения Европейского Севера.

2. *Материалы по статистике сельскохозяйственного производства.* Автором введен в оборот пласт информации, связанной с материалами весенних и осенних выборочных переписей (опросов), которые ставили своей задачей учет всех важнейших элементов крестьянских хозяйств по достаточно широкой программе, что позволяло ежегодно устанавливать (оценивать) не только объем сельскохозяйственного производства в натуральных показателях, но и его социально-экономическую структуру⁵³. В основу классификации крестьянских дворов был положен размер их посевной площади – признак, отражавший мощь земледельческого хозяйства.

российской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. М., 1923; Т. XIV. Вып. 1. Итоги разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по типам и группам хозяйств. Северный район, М., 1924 и др.

⁵⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Окончательные итоги: В 7 отделах (сериях), 56 т. М.; Л., 1928–1935: Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Т. I. Северный район. Ленинградско-Карельский район. М., 1928; Отдел II. Занятия. Т. XVIII. Северная полоса. Северный район. Ленинградско-Карельский район. М., 1929; Погубернские итоги 10 % выборочной сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств 1919 года. М., 1920 и др.

⁵¹ Возрастной состав сельского населения Вологодской губернии (перепись 28 августа 1920 г.). Вологда, 1922; Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. по Архангельской губернии. Вып. 1–2. Архангельск, 1919–1920; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. по Северо-Двинской губернии. Вятка, 1923; Поуездные итоги сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 и 1919 годов в абсолютных и относительных числах. Петрозаводск, 1920.

⁵² Долговечность и смертность населения Севера Европейской части РСФСР в 1926–27 г. по сравнению с 1896–97 годом. Вологда, 1931.

⁵³ Динамика крестьянских хозяйств в 1920–1923 гг. Итоги переписи динамических гнезд 1920–1925 гг. М., 1931; Животноводство СССР. Динамика скотоводства. Кормовая база. Мясной баланс. М., 1930; Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике 1923–1924 – 1924–1925 гг. М., 1929; Население, посев, скот, птица и сельскохозяйственный инвентарь в 1923/24 г. М., 1926; Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР за 1916 и 1923–1927 гг. по частному сектору сельского хозяйства. М., 1930; Основные элементы и продукция сельского хозяйства СССР за 1925/26 г. – 1928/29 г. с приложением хлебофуражного баланса за 1928/29 г. М., 1928; Сельское хозяйство СССР 1925–1928 гг. Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929; 1922–1923 год в сельскохозяйственном отношении (Материалы по текущей с.-х. статистике). 2-й г. изд. М., 1927; Урожай хлебов и трав в 1924 г. (По материалам осеннего выборочного обследования). М., 1928 и др.

Несовпадение группировочных интервалов крестьянских дворов по разным губерниям, непостоянный характер основ комбинационных группировок и ряд других факторов порождают динамическую несопоставимость данных, содержащихся в статистических публикациях.

С целью преодоления отмеченных недостатков общим подходом диссертанта являлось агрегирование данных, замена пропущенных значений, вычисление относительных величин, многомерная иерархическая классификация посевных групп (в зависимости от значений признаков). Допускалось исключение некомплектных признаков, агрегирование таких значений со значениями аналогичных признаков или заполнение средними значениями признака.

Для источников, в которых одни и те же объекты были охарактеризованы различными по количеству и составу признаками, но сохраняли основные разделы обследования, при сопоставлении данных о статистических объектах применялись методы, позволяющие увидеть изучаемое явление с точки зрения действия на него факторов, обуславливающих определенные свойства объектов наблюдения. С помощью данных приемов определялась производственно-хозяйственная типология крестьянских дворов. Последствия административных изменений, приводивших к образованию несопоставимых на первичном уровне фиксации данных были преодолены методами многомерного статистического анализа. Таким путем, к примеру, удалось вычленить аграрно-экономические (природно-географические) регионы Европейского Севера.

3. *Динамические (гнездовые) переписи крестьянских хозяйств 1920–1929 гг.* являются наиболее массовым источником среди выборочных обследований деревни. Главным их достоинством является то, что они охватывают весь комплекс межкрестьянских и межхозяйственных связей. В их проведении выделялись два этапа: на первом (1920–1926 гг.) все внимание было обращено на «социально-органическую» эволюцию дворов, на втором (1927–1929 гг.) в основу был положен анализ производственных и социальных отношений в деревне. В 1927 г. в основу разработки материалов переписи был положен новый критерий классификации крестьянских хозяйств – по характеру производства и доходности двора, были пересмотрены схемы группировки крестьянских хозяйств. В 1929 г. в границах Северного края было выделено 8 производственных типов гнезд переписи.

В диссертационном исследовании впервые введены в научный оборот статистические итоги гнездовых обследований крестьянских дворов на Европейском Севере за 1927 и 1929 гг., которые сохранились в Государственном архиве Архангельской области. В среднем динамические переписи охватывали во всех административных районах Европейского Севера около 12,0 % крестьянских дворов, что с позиций современной статистики является вполне репрезентативной величиной.

4. *Бюджетные обследования крестьянских дворов* содержат наиболее подробную информацию о крестьянском хозяйстве и семье и дают возможность

изучить содержание социальной, демографической и производственной сторон их жизни. Детальность и систематичность позволяют расценивать бюджетные обследования как один из основных источников сведений о деревне 1917–1920-х гг. Материалы бюджетных обследований северной деревни представлены в общероссийских⁵⁴ и региональных публикациях⁵⁵. Главным группировочным признаком крестьянских дворов являлся размер посева (с 1925 г. – стоимость основных средств). Значительный пласт первичной бюджетной информации извлечен автором из фондов центральных и региональных архивов. Сводные и разработочные данные бюджетов коми крестьянских хозяйств за 1922/23 – 1925/26 гг. обнаружены в ГАРФ и ГУРК «НАРК» и вводятся в научный оборот впервые.

При разработке бюджетной статистики использовались методы Ю.П. Бокарева⁵⁶. Определенный опыт извлечен из разработанной И.Т. Алиевым, И.Р. Рафи-заде компьютерной экспертной системы «Peasantry» использования и анализа бюджетных описаний крестьянских дворов с учетом созданной базы данных по аграрной истории. Признавая справедливость критики форм и методов советской статистики, следует отметить, что бюджетная статистика менее, чем промышленная, подвергалась искажениям, так как оперировала в основном количественными показателями, а методика обработки бюджетов предполагала учет доходно-расходной части двора в рыночных ценах.

Шестую группу источников составляют материалы периодической печати 1917–1920-х гг., отражающие злободневные для того времени проблемы. Научная значимость этих источников заключается в том, что они позволяют судить о политической и хозяйственной конъюнктуре тех лет. Характер многих материалов, содержащихся в печати, отличается идеологической прямолинейностью, полемичен, зачастую неточен, что потребовало тщательного сопоставления их с другими сведениями. Автор привлек к исследованию 18 изданий, главным образом журналов общественно-политической и экономической направленности.

Седьмая группа источников включает в себя материалы личного происхождения. Это мемуары участников Гражданской войны на Севере, представ-

⁵⁴ Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 3. М., 1922; Вып. 5. М., 1924; Т. XXXI. Вып. 1. М., 1926; Крестьянские бюджеты 1924–1925 гг. М., 1928; Крестьянские бюджеты 1925/26 гг. М., 1929; Крестьянские бюджеты 1925–26 г. Основные материалы. М., 1929.

⁵⁵ Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы – за 1925 год. Архангельск, 1925–1926; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы. Вологда, 1926; Гильберт И. Бюджет крестьянского хозяйства за 1923–24 год (По обследованию 1924 года) // Экономика и статистика Карелии. № 1–3. 1925. Петрозаводск, 1926; Краткий статистический справочник по Северо-Двинской губернии на 1927 год. Великий Устюг, 1926.

⁵⁶ Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981; Массовые источники по социально-экономической истории Советского общества. М., 1979.

лявших обе воюющие стороны⁵⁷ и прежде всего публикации немногочисленных крестьянских документов – письма во власть, воспоминания⁵⁸ и в особенности дневники крестьян, позволяющие судить об их взглядах на характер политических, экономических и социальных изменениях в деревне⁵⁹.

В совокупности используемый круг материалов составил представительную источниковую базу для реализации исследовательских задач.

Во второй главе «Семейно-трудовая кооперация крестьянского двора» анализируется динамика численности крестьянских дворов в регионе, демографические показатели семьи, выявляются изменения в организации семейного производства и уровень использования наемной рабочей силы. Автор отмечает, что общей тенденцией демографического развития северной деревни в 1917–1920-х гг. являлся рост численности населения, который сопровождался общим увеличением крестьянских дворов. Причем темпы прироста крестьянских семей значительно опережали темпы роста крестьянского населения в его совокупности. Определяющую направленность изменению численности крестьянских хозяйств в регионе придавало дробление крестьянских хозяйств. В 1929 г. в регионе насчитывалось свыше 500 тыс. дворов.

Выявляя причины дробления крестьянских дворов, автор приходит к выводу, что в годы Гражданской войны в основе дробления семьи лежали факторы чисто «внешнего» порядка: стремление получить дополнительный участок земли, фиктивный раздел с целью спасти свой скот от продразверстки и т. п. В дальнейшем на первое место выдвигается обремененность двора рабочей силой и личное домообразование. Особо подчеркивается, что на протяжении всего исследуемого периода побудительным мотивом к семейно-имущественным разделам оставалась налоговая политика. Общей тенденцией развития крестьянской семьи в 1917–1920-е гг. являлось разрушение патриархальных (отцовских) многопоколенных семей и снижение параметров численности крестьянского двора. Средняя крестьянская семья на Европейском Севере в 1920-е гг. стала наиболее мелкой по всей России.

Дробление крестьянских хозяйств, являвшееся, с одной стороны, естественным регулятором функционирования крестьянского семейного производства, с другой – органической чертой демографического поведения большой крестьянской семьи, приводили к уменьшению размеров производства материнских и дочерних хозяйств. Ограничительные мероприятия властей, стре-

⁵⁷ Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. I–II. Архангельск, 1993; За Советский Север. Сб. документов и воспоминаний. Вологда, 1960; Кедров М.С. За Советский Север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны. 1918 г. Л., 1927 и др.

⁵⁸ Голоса крестьян: Сельская Россия XX в. в крестьянских мемуарах. М., 1996; Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001.

⁵⁹ «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхасва (1902–1953). М., 1997; Дневник тогемского крестьянина А.А. Замараева 1906–1922 гг. М., 1995; На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы. М., 1997.

мившихся повлиять на практику семейно-имущественных разделов, базировались на явном или неявном признании и насаждении в деревне института майората – абсолютно чуждого национальному самосознанию. По этой причине они не были поняты населением и не оказали заметного влияния на практику разделов. Восстановление экономики северной деревни в 1920-е гг., сопровождавшееся ростом народонаселения и численности крестьянских дворов, приводило к серьезным последствиям. Главным из них было прогрессировавшее с конца XIX в. аграрное перенаселение.

При рассмотрении возрастного состава семьи автор приходит к заключению, что основным фактором, связанным с демографическим провалом военного времени, являлось «омоложение» семьи, что нашло отражение в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г.: высокий удельный вес детей до 14 лет (30,0 %) и небольшая доля лиц старше 50 лет (13,6 %) в деревне. В абсолютных показателях соотношение мужского и женского населения, а также возрастная структура северной деревни несколько отставали от оптимальных пропорций, но для незначительного по размеру крестьянского производства выглядели относительно благополучно. Обеспеченность дворов работниками имела тенденцию к снижению на протяжении всего изучаемого периода, составляя в 1921–1927 гг. в среднем 1,1 работника мужского пола и 1,3 – женского на двор.

Диссертант отмечает, что степень напряжения крестьянского труда определялась, с одной стороны, внутренними особенностями самого хозяйства, с другой – внешними по отношению к нему факторами, такими как рынок, естественноисторические условия и техника. Аграрное законодательство 1917–1920-х гг. базировалось на основе «едоцкого» принципа наделения земель, поэтому площадь пашни служила как бы известным пределом использования наличной рабочей силы своего двора. Создавшаяся за годы Гражданской войны диспропорция между производительным и свободным временем достигла в начале нэпа своей крайней минусовой точки. Запас неиспользованного семейным рабочим временем составлял от 24,6 до 50,8 % от общего годового запаса. Распределение же производительного израсходованного времени обладало присущей этому периоду спецификой – до 37,2 % своего временного бюджета северный хозяин тратил на оживление и обустройство своего двора. Изменение характера экономической и налоговой политики, ускорение темпов возрождения сельского хозяйства края приводило к исправлению диспропорций в организации труда, возвращали крестьянский двор к традиционному для Севера многоотраслевому производству. Увеличивались трудовые затраты на свое сельское хозяйство, а использование труда работников было тем интенсивнее, чем шире было хозяйство двора.

По мнению автора, с середины 1920-х гг. начинался процесс снижения затрат труда на свое сельское хозяйство, выразившийся в расширенном расходовании труда вне двора, капитальном строительстве и ремонте инвентаря. Это служило доказательством завершения восстановления сельского хозяйст-

ва и изменения производственной направленности крестьянского двора. Работа вне своего хозяйства, по терминологии Ю.П. Бокарева, служила фактором внешнего перенаселения крестьянского двора. В 1924/25 г. в Крайнем Северном экономическом районе в мелких дворах (до 2,0 дес. посева) вне своего хозяйства постоянно было занято 0,6 работника, во дворах с посевом свыше 2,0 дес. – 0,4 работника. В Северном районе мелкое и среднее хозяйство отчуждало во внехозяйственную сферу 0,3 взрослого работника; хозяйство с посевом от 4,1 до 6,0 дес. – 0,5; хозяйства с посевом свыше 6,1 дес. – 0,2 работника. Темпы нарастания внутреннего перенаселения крестьянских дворов также резко возросли. В среднем крестьянская семья имела от одного до полутора «лишних» работников.

Анализируя последствия формировавшихся диспропорций в организации семейного труда, автор считает, что в их основе находились внутрихозяйственные факторы развития, в частности, сезонный характер сельскохозяйственных работ. Зимняя безработица, поражавшая до трех четвертей всей мужской рабочей силы крестьянской семьи, являлась серьезным препятствием для внутрихозяйственного развития.

При рассмотрении отношений найма в крестьянском дворе диссертант отмечает их двусторонний характер (отпуск своей рабочей силы и наем работников со стороны). На их развитие влияли как происходившие в деревне хозяйственные процессы, так и демографические изменения, приводившие к измельчанию хозяйств и аграрному перенаселению.

Двойственную роль играла государственная политика, которая в 1917–1921 гг. была направлена на безусловный запрет отношений найма-сдачи рабочих рук и тем самым снижала их значение в экономических связях деревни. В эти годы важным побудительным мотивом, влиявшим на потребность в найме рабочих рук, была продовольственная разверстка, которая в условиях хозяйственной разрухи сопровождалась падением крестьянских промыслов и отхода, сокращением производства. Запретительные мероприятия привели к развитию в деревне скрытого найма, зачастую ставившего нанимаемого в невыгодное положение. С введением нэпа власть формально решила вопрос о возможности разрешения найма рабочей силы в деревне, о степени и условиях его легализации. Рамки, разрешавшие применение наемного труда, оказались, тем не менее, чрезвычайно узкими. Завершающий этап в развитии крестьянского найма совпал по времени с политикой ограничения и вытеснения кулачества, проводившейся в соответствии с обозначившимся курсом на обобществление аграрной сферы. Государственная политика в области регулирования трудовых отношений делала резкий крен в сторону ликвидации скрытых форм найма, выявления и ограничения «кулацких» хозяйств. Все это в конечном итоге приводило, с одной стороны, к действительному сокращению отношений найма рабочих рук и численности батраков, с другой стороны, к укрыванию трудовых сделок и практике скрытого найма.

По сведениям автора, доля крестьянских дворов, прибегавших к услугам наемных работников, резко снизилась в 1917–1921 гг., и, несмотря на некоторое увеличение в середине 1920-х гг., не превышала за все годы 10,0 % от всех дворов, что было в три раза ниже показателей довоенного времени. К концу Гражданской войны наем рабочих был распространен только в группах хозяйств, сеявших свыше 5,0 дес. В остальных группах число нанимающих хозяйств не достигало и 3,0 %, хотя абсолютное большинство нанятых рабочих приходилось как раз на эти дворы по причине того, что главная масса хозяйств – 88,2 % была сконцентрирована именно в них. Распространение срочного найма в маломощных и средних хозяйствах объяснялось стремлением сохранить хотя бы на минимальном уровне продовольственный тип хозяйства, тем самым преобладающее значение сохранял традиционный наем из нужды. Постепенный рост трудоизбыточности аграрной сферы резко замедлял развитие найма. Наем приобрел сезонный характер и использовался в основном как подсобный труд в полеводстве и на других сельскохозяйственных работах. Бытовала распространенная практика найма рабочих рук для работы в сельском хозяйстве двора в тех хозяйствах, которые имели избыток рабочей силы, но предпочитали использовать ее на отхожих промыслах.

Основным источником рабочей силы выступало маломощное хозяйство. На протяжении 1917–1921-х гг. число дворов, предлагавших рабочую силу, постепенно возрастало: в их число входили и те дворы, которые отпускали рабочую силу в сельское хозяйство. В большинстве мелких и средних хозяйств, сдающих рабочую силу, преобладал поденный и сдельный найм, а в крупных дворах (с посевом свыше 6,0 дес.) – срочный найм. К концу 1920-х гг. под воздействием политики властей обозначилась тенденция своеобразного «измельчания» найма, значительного сокращения срочного найма и замещения его в большинстве крестьянских дворов поденным наймом. Количество срочных и помесячных работников в северной деревне в 1928 г. не превышало 40 тыс. чел.

В общественно-экономических отношениях двора широко практиковались отработки. Ими оплачивались наем рабочего скота и инвентаря, аренда земли, долги, займы продуктов. Часто в форме отработок осуществлялся обмен рабочей силой («труд за труд») и т.п. В 1920-е гг. натуральные формы отчуждения рабочей силы одного двора в пользу другого нередко носили характер прямой эксплуатации и тщательно скрывались от контроля со стороны государственных органов. Сохранилась одна из архаичных форм экстренной организации работы («помочи»). В отличие от Гражданской войны, когда «помочи» зачастую носили принудительный характер, в 1920-е гг. они видоизменялись, отражая своеобразие трансформировавшихся общественных отношений в деревне.

Оплата наемного труда была напрямую связана с характером выполняемых работ. Это не исключало сезонных и порайонных колебаний в оплате труда поденщиков. Рост цен на рабочие руки всех видов начинался в регионе с вес-

ны, достигая относительного максимума во время сенокоса, затем к осени наблюдалось постепенное падение цен. К 1927 г. в Архангельской и Вологодской губерниях размеры поденной оплаты относительно выровнялись, что, по мнению автора, могло свидетельствовать о складывании зонального рынка сельскохозяйственного труда, но в целом за весь исследуемый период в регионе не сложилось условий для капитализации отношений найма.

В конечном итоге рост числа крестьянских дворов, расширение рамок аграрного перенаселения выводили проблему рационального использования труда из демографической плоскости в плоскость социально-экономических отношений. Найм и сдача рабочей силы вплоть до конца 1920-х гг. не достигли довоенного уровня и в своей основе отражали тенденции развития традиционного найма «из нужды».

В третьей главе «Эволюция землепользования крестьянского двора» формулируются основные тенденции в характере землепользования и землеобеспечения двора, степень развития арендных отношений. Отмечается, что в начале XX в. в условиях катастрофического малоземелья интересы мелкой парцеллы приходили во все большее противоречие с интересами государства – главного земельного собственника на Европейском Севере и немногочисленного слоя частных владельцев земли (помещиков, хуторян и отрубников). К осени 1917 г. стихия «черного передела» затронула даже самые глухие селения северных губерний. Формы и методы его проведения не отличались от других регионов страны. Основополагающие аграрные законы большевиков – Декрет о земле и «Основной закон о социализации земли» воспринимались крестьянством как санкция властей на разрешение вековой проблемы в своих интересах. Общину в одинаковой степени раздражали как помещичья, церковная и монастырская земельная собственность, так и земля собрата-крестьянина, выделившегося из общины и укрепившего в собственность свой надел. Именно эти и крестьянские купчие земли в начальной стадии «черного передела» 1917–1920 гг. подверглись распределению. Товарищеские купчие земли переделались в 53,0 % деревень. Противостояние общинников и частных владельцев земли завершилось полной победой идеи уравнительности. Земли, находившиеся ранее в распоряжении государственной власти (казны и удела) и сдававшиеся крестьянам в качестве оброчных статей, по общему правилу поступали в распределение наравне с другими землями и передавались в бесплатное пользование крестьян. Иначе решалась судьба земельных участков, возделанных из-под леса, так называемых росчистей-новинок, подсек и перелогов. На первых порах изъятию подлежали расчистки, которые превышали местную норму надела, либо были куплены, либо «запустошены» владельцами. Со временем все расчистки были пущены в общий раздел.

Кардинальная ломка поземельных отношений на Севере касалась, в первую очередь, крестьянских наделных земель. Власть санкционировала их перераспределение. В тех районах, где земельная теснота считалась невыносимой, это делалось путем «повальных» переделов (в Вологодской и Северо-

Двинской губерниях), где земельный вопрос не был столь обострен (в Архангельской и Олонецкой губерниях) – посредством «скидок-накидок», т.е. отрезки или прирезки земли нуждающимся. «Разверстание» земли в 1918 г. не прекращало переделов и в последующие годы вплоть до начала коллективизации. За крестьянами оставалась инициатива выбора норм наделения землей. Преобладал упрощенный вариант нормы – по едокам. В процессе переделов сглаживалась земельная дифференциация, но в то же время вносились путаница в хозяйственный строй деревни. Не случайно осуществление переделов было ограничено и поставлено в зависимость от проведения так называемого социалистического землеустройства. В 1919–1920 гг. в работах по землеустройству ведущее место занимало межволостное и межселенное устройство, поэтому оно не смогло существенно повлиять на общинные переделы земли и в целом на внутриобщинное землепользование, что явилось одной из причин продолжавшихся переделов. В конечном итоге революция привела к полному исчезновению частного землевладения. В распоряжении крестьян к 1922 г. сосредоточилось 99,8 % всех земель (в 1917 г. – 94,0 %). Новая система земельных отношений основывалась на индивидуальном хозяйстве крестьян-общинников. Незначительный прирост крестьянского землепользования – на 3,2 % – при возрастающих темпах увеличения дворов в условиях уравнительного землепользования неизбежно приводил к социально-экономической nivelировке крестьянских хозяйств, натурализации аграрного производства.

Анализ изменений основных форм землепользования в аграрном секторе экономики региона в 1920-е гг. приводит к заключению, что в подавляющем большинстве сельскохозяйственные угодья находились в пользовании земельных обществ, на долю остальных пользователей (колхозов, совхозов и участковых землепользователей) приходилось чуть более 3,0 %. К концу 1920-х гг. произошло некоторое увеличение участкового землепользования. Хутора и отруба были распространены в Вологодской и Северо-Двинской губерниях, где природные и экономические условия для развития сельского хозяйства являлись наиболее благоприятными. В целом же, крайнее малоземелье крестьянских дворов при сохранении мелкополосицы и дальноземелья, характерных для лесных губерний, служили серьезным препятствием для их развития. Начиная с 1926 г. роль отрубов и хуторов начинает постепенно снижаться, зато увеличивается доля земель коллективного пользования. Данные изменения находили объяснение в политике «расхуторизации». 53,9 % из числа хуторов и отрубов, существовавших на Европейском Севере в 1928 г., образовались в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина и пережили бурный период революции. После 1917 г. поменялся юридический статус участкового земледелия – из собственников земли хуторяне и отрубники превратились в пользователей государственной земли, размер которой был приведен в соответствие с существующими нормами. Товарищеское землевладение не находило поддержки среди крестьянства. По данным 1928 г. большинство объединений представляли простейшие формы кооперирования – ТОЗы.

Автор подчеркивает, что внутренний строй всех субъектов землепользования подчинялся логике земельной общины – основу земельных угодий составляли пашенный клин, сенокос и усадебные земли. Доля этой части общинного надела равнялась в Вологодской губернии 36,8 %. По мере продвижения на Север, в поморских и притундровых волостях Карельской АССР, Архангельской губернии и АО Коми, ее удельный вес снижался до 2,0 %.

Вторую часть угодий общины составляли земли, занятые выгонами, лесами, кустарником, неудобьями и др. Пастбищные земли в Вологодской губернии равнялись 15,6 % от всего земельного фонда общины, в то время как в Карельской АССР – лишь 0,1 %. Фактическое отсутствие пастбищ в Карелии было типичным для крайних северных районов края, в которых животноводство не носило товарного характера. Важной особенностью карельской деревни являлось то, что здесь еще в начале XX в. в общинный надел были вымежеваны большие площади казенных лесов – «подсечно-земельные пространства», которые наряду с лесами были включены в структуру землепользования. В 1920-е гг. их площадь не превышала 7,0 % от земельного фонда. Крестьяне других регионов, имея в пользовании общинные леса, нередко самовольно прибегали к разработке государственных лесов с целью расширения «мирского» или индивидуального землепользования. Охранительные мероприятия государства привели к подразделению лесов на категории общегосударственного и местного значения, выделению части лесных площадей для формирования регионального земельного фонда, что позволило увеличить землеобеспечение сельского населения.

Третьей частью общинного надела являлись свободные земли. Площади запасных угодий в общине постепенно увеличивались, чему содействовала начавшаяся в 1920-е гг. регистрация землепользования (приведение в известность земельного фонда). Расширилась практика создания резервных земельных фондов, находившихся в распоряжении местных земельных органов, которые предоставляли часть земель в бесплатное постоянное трудовое пользование земельных обществ или на правах аренды.

Решение проблемы межобщинной, межселенной и межволостной чересполосицы до 1917 г. сводилось к усилиям государства по упорядочению владений земельных общин, отграничению их от государственных и удельных земель. В 1919–1920 гг. работа землеустроителей сводилась к межволостному и межселенному обустройству. В 1920-х гг. среди землеустроительных работ стали преобладать общинные и межселенные отводы. По подсчетам автора, удельный вес межселенного землеустройства составлял к концу 1928 г. 56,7 %, внутриселенного – 33,7 %, внутрихозяйственного – 5,1 %, на прочие обустроенные земли приходилось 4,5 %.

Те крестьяне, которые стремились вести свое хозяйство на более рациональных основаниях, предпочитали общине практику участкового (отрубного или хуторского) хозяйствования. Однако принятие в декабре 1928 г. ЦИК СССР закона «Общие начала землепользования и землеустройства» означало

окончательный выбор курса на обобществление сельского хозяйства. На фоне этой политики хуторяне и отрубники превращались в злейших врагов коллективизации. На повестку дня ставился вопрос об изживании хуторов, о «расхуторизации». Несмотря на то, что частные формы землепользования отличались большим рационализмом, оказавшись классово-чуждым элементом в системе поземельных отношений, культивируемых властью, они первыми подверглись остракизму. Тем самым судьба участкового землепользования трагическим образом предвляла судьбу общинного землепользования в ходе массовой коллективизации.

Использование общинных угодий членами земельного общества в 1920-е гг., как и прежде, регулировалось с помощью переделов пашенных и сенокосных земель. Усадьба, как правило, разделу не подлежала. Преобладал смешанный принцип разверстания земли – «потребительно-трудовая норма», но нередко встречался передел пашни по паям, при этом женщины наделялись половиной пая, а то и вовсе не получали земли, «по ревизионным душам», по жребью и др. При перераспределении сенокосной земли практиковался раздел лугов по количеству скота и пашни, по количеству застогованных копен, по урожайности лугов и др. Законодатель, осознавая пагубность частых переделов земли, ограничивал срок общих переделов тремя севооборотами. Одной из наиболее радикальных форм ограничения переделов являлись попытки местных земельных органов установить нормы «недробимости» земли. К концу 1920-х годов в вопросе о переделах все более отчетливо звучали политические мотивы борьбы с зажиточными слоями деревни.

По мнению автора, промежуточными формами землепользования между крестьянским общинным и участковым землепользованием являлись крестьянские расчистки – «чищебы», «новины», подсеки, «тереба», «копанины». Разработанные на основе Земельного (1922 г.) и Лесного (1923 г.) кодексов «Правила устройства трудовых займов земли для постоянного сельскохозяйственного использования» предоставляли зайщикам землю в бессрочное трудовое пользование и составили основу местных подзаконных актов о расширении крестьянского землепользования. Тем самым традиционная в условиях Европейского Севера подворно-наследственная форма землепользования – подсека – сохраняла свое значение. Ее расширение было связано с процессами восстановления сельского хозяйства, но по мере возрождения условий для неземледельческих занятий крестьянство крайних северных уездов постепенно утрачивало к ней интерес. Немалую роль в сокращении расчисток играла политика постепенного ограничения этого вида землепользования.

Рассматривая роль арендных отношений в экономике крестьянского двора, диссертант отмечает, что законодательное запрещение аренды земли в 1917–1921 гг. не устраняло условий, порождавших ее развитие в крестьянской среде. Более того, наделение земель всех желающих привело к росту малосильных дворов, часто не способных самостоятельно существовать без сдачи в аренду своих наделов; поэтому аренда надельной земли сохранялась, но кре-

стьяне предпочитали скрывать эти отношения. Из вненадельных форм аренды возродилась аренда земли у государства. Условия аренды определялись изъятием у арендатора части дохода в натуральной форме.

В период нэпа законодательство исходило из трудового принципа землепользования, поэтому категорически запрещалась субаренда. Сдача земли в аренду не разрешалась для дворов, полностью прекративших ведение самостоятельного хозяйства по причине переселения или перехода к другим занятиям. Данные требования существенным образом коснулись распространенного на Европейском Севере промыслового отхода и сужало внутриселенный арендный фонд. С другой стороны, внутривладельческие и внешние условия развития крестьянских дворов на Европейском Севере, такие как медленное восстановление промышленности и ее неспособность впитывать новые кадры рабочих из деревни; возможность для большинства крестьян самим обрабатывать землю; значительное сокращение вненадельного арендного фонда не создавали базы для развития отношений сдачи-аренды земли. По сравнению со всесоюзными показателями круг арендаторов на Севере был значительно уже. Он, однако, различался в рамках региона – в крайних северных районах число арендаторов по темпам прироста превышало средний уровень по стране. Размер арендуемой пашни составлял в среднем 0,3 дес. на двор и был меньше, чем в целом по СССР. Вплоть до середины 1920-х гг. отношения аренды строились на абсолютном преобладании натуральных, продовольственных форм. Большая часть арендуемых дворов приходилась на середняцкие дворы с арендой сенокоса, в то время как зажиточные дворы арендовали в основном пашню, что подчеркивало преобладающее значение полеводства в их хозяйстве. Среди сдатчиков земли также преобладали середняцкие дворы, при этом зажиточные дворы вовсе не сдавали земли.

Увеличение числа арендуемых хозяйств и расширение арендованных площадей началось с 1926 г. и было связано со смягчением законодательства в арендном вопросе и улучшением учета, отчасти с легализацией прежних арендных сделок. Этот процесс затронул все дворы, в том числе и малопосевные хозяйства, хотя доля последних в общей совокупности арендуемых дворов уменьшилась. Число хозяйств, арендовавших землю, относительно и абсолютно было больше, чем хозяйств-сдатчиков. Причиной тому было то, что помимо надельных земель в арендный оборот были вовлечены земли различного рода организаций, в частности, лесничеств, и вненадельные земли Госфонда (оброчные статьи). Второй причиной, объясняющей дисбаланс в отношении арендуемых и сдающих землю дворов, являлось широкое распространение аренды земли группой дворов у одного домохозяина. Основной прирост заарендованной земли выпадал на средние и в особенности на крупнопосевные дворы. Несмотря на некоторый рост, по уровню развития аренды Европейский Север оставался регионом с наименьшими в СССР показателями.

Для большинства дворов аренда пашни являлась способом увеличить посевные площади своего хозяйства, что же касается высших групп дворов, то

они арендовали землю в силу органического роста их производственных сил, руководствуясь мотивами расширения производства. Среди сдававших в аренду пашню и сенокос преобладали беспосевные и малопосевные двory, которые сдавали пригодную под посев землю в аренду по причине отсутствия основных средств. Низкий уровень аренды находил дополнительное объяснение в том, что, крестьянин имел возможность при острой нехватке сельскохозяйственных угодий расширить их за счет подсеки.

Изменения условий аренды земли в конце 1920-х гг. сводились к росту удельного веса арендовавших и сдававших землю в аренду дворов, но уровень этих отношений значительно уступал дореволюционному времени. Среди арендаторов преобладали средние крестьянские хозяйства, среди сдатчиков – обедневшие хозяйства. Площадь арендованных и сданных в аренду земель за 1927–1929 гг. также увеличилась, но при этом рост числа арендаторов не сопровождался соответствующим расширением площади арендуемых участков. Показатели арендного оборота земли в так называемых мелкокапиталистических дворах были несколько выше, но в целом не изменяли общий низкий уровень арендных отношений в регионе. Преобладающее значение имела краткосрочная (зачастую разовая) аренда. На протяжении всего периода 1917–1920-х гг. условий для масштабной коммерциализации крестьянского земледелия на Европейском Севере не сложилось.

Изучение основных тенденций в развитии крестьянского землепользования на Европейском Севере в 1917–1920-х гг. приводит к выводу о том, что уравнительный передел земли привел к абсолютному преобладанию общины. Структура земельных угодий хуторян и отрубников подчинялась логике общинного землепользования. Сохраняла свое значение подворно-наследственная форма землепользования – подсека. Вплоть до конца 1920-х гг. система поземельных отношений в регионе, равно как и отношения аренды-сдачи земли не выходили за рамки устоявшихся форм, обеспечивали жизнедеятельность натурального в своих основах крестьянского хозяйства.

Глава четвертая «Развитие хозяйства двора» посвящена анализу хозяйственных параметров крестьянского двора и на его основе – попытке выявить группировочные признаки дворов в изучаемый период. Состояние земледельческой отрасли крестьянского хозяйства характеризовалось тем, что вплоть до конца 1920-х гг. сохранялась традиционная для региона структура сельскохозяйственных угодий, что, по мнению автора, свидетельствовало о максимальном на то время сельскохозяйственном освоении земельных пространств обширнейшего региона.

Основу земледельческой отрасли двора составляло полеводство. Неуклонное снижение размеров посевных площадей на Европейском Севере в 1917–1922 гг. сменилось относительно быстрым восстановлением пахотных угодий и начиная с 1925 г. постепенным их расширением, прежде всего в Вологодской и Северо-Двинской губерниях. На их долю до революции приходилось 77,2 % посевных площадей, в 1927 г. – 85,2 %. В 1929 г. в регионе в целом

посевные площади составляли 1196,300 га. При масштабном росте численности крестьянских дворов средний размер посева на 1 хозяйство в Архангельской губернии не поднялся выше 1 дес. и в 1927 г. был гораздо ниже уровня 1917 г.; в Вологодской и Северо-Двинской губерниях, наоборот, отличался неуклонным увеличением, составляя в 1927 г. 2,4–2,6 га на двор.

Таким образом, с середины 1920-х гг. наметилась тенденция разнонаправленной эволюции полеводства: для Вологодской и Северо-Двинской губерний – относительно стабильного и поступательного движения вперед, для крайних северных районов Архангельской губернии, АО Коми и Карельской АССР – замедления темпов его развития.

Рассматривая структуру посевных площадей, автор обращает внимание на то, что в 1919–1921 гг. определяющим фактором в их изменении являлась продрозверстка. Это выражалось, с одной стороны, в постепенном увеличении площадей под более урожайной озимой рожью и сокращении ее под яровыми, с другой – в повсеместном увеличении засевов культур для чисто хозяйственного потребления. Параллельно набирала силу тенденция интенсивной обработки усадебной земли с целью возможно большего получения продуктов питания. Близ городов складываются районы, специализирующиеся на выращивании огородных культур с целью их рыночной реализации. К середине 1920-х гг. традиционное соотношение полевых культур постепенно приводилось в соответствие с новыми хозяйственными запросами крестьянской семьи и меняющейся экономической конъюнктуры.

Урожайность основных полеводческих культур в 1917–1920-х гг. имела тенденцию к некоторому повышению, но при этом всегда оставалась крайне низкой. По этой причине, а также в силу неразвивающейся агрокультуры незначительное увеличение валовых сборов (на 1,0 % в 1928 г. по сравнению с 1925 г.) достигалось за счет относительного расширения посевных площадей в Вологодской и отчасти Северо-Двинской губерниях. В Архангельской губернии, Карельской АССР и северных уездах АО Коми к концу 1920-х гг. полеводство окончательно приобретает подсобный характер, служа целям обеспечения минимумом продовольствия членов семьи, занятых в массе своей вне сферы аграрного производства.

Состояние скотоводческой отрасли крестьянского хозяйства отличалось тем, что в 1917–1921 гг. в условиях прогрессирующей натурализации сельскохозяйственного производства в хозяйстве крестьянина большое значение приобретал продуктивный молочный скот, поэтому резкого сокращения поголовья крупного рогатого скота не наблюдалось. Оно имело место лишь в Вологодской и Северо-Двинской губерниях как следствие снижения доли многокоровных хозяйств с развитым торговым животноводством. В коневодческой отрасли убыль скота была связана с падением лесных промыслов, где лошадь использовалась в качестве главной тягловой силы. Там, где полеводство прежде играло основную роль, рабочий скот сберегался до лучших времен. В 1920 г. по сравнению с 1917 г. число лошадей на Севере сократилось в

совокупности лишь на 8,0 %. Более заметно сократилось поголовье мелкого скота, что явилось прямым результатом реквизиций и убоя «на пропитание».

К концу Гражданской войны большинство хозяйств (63,9 %) имело одну лошадь. На 31,4 % хозяйств без рабочего скота приходилось лишь 11,4 % бескоровных, вместо 63,5 % однолошадных дворов – 53,5 % однокоровных, против группы в 4,3 % двухлошадников – 28,3 % двухкоровных хозяйств. Уравнивание дворов по степени обеспеченности скотом при одновременном сокращении стада и общем падении сельскохозяйственного производства находило объяснение как в характере социально-экономических процессов в деревне, так и в государственной политике, мотивированных идеями уравнительности. Восстановление экономики крестьянского хозяйства выражалось в постепенном сокращении удельного веса хозяйств, не имевших рогатого скота, и увеличении дворов с двумя и более головами рогатого скота, сокращении безлошадных и увеличении доли однолошадных и двухлошадных дворов. В неземледельческих районах рост числа лошадей в крестьянских хозяйствах не был напрямую связан с потребностями сельскохозяйственного производства. Здесь лишняя тягловая сила применялась вне двора на отхожем промысле и извозе. Замедление роста поголовья скота во второй половине 1920-х гг. привело к перегруппировке поголовья скота по посевным группам дворов и ухудшению обеспеченности тягловым и крупным рогатым скотом основной массы крестьянских хозяйств. Судя по источникам, в абсолютном большинстве дворов в хозяйстве по-прежнему содержалась одна лошадь и одна корова.

При анализе промысловой отрасли хозяйства автор отмечает, что характер развития промыслов определялся общей направленностью развития крестьянского двора, или, по определению В.И. Коротаева, принципом природно-хозяйственной целесообразности, мотивированным в свою очередь природно-климатическими и ландшафтными особенностями. В более благоприятных для земледелия губерниях развитие получили так называемые сельскохозяйственные промыслы, в других районах – промыслы, связанные с лесозаготовкой, охотой и рыболовством. Первая мировая война положила начало дезорганизации крестьянских промыслов. К 1917 г. обычный процент крестьянских хозяйств с промыслами снизился больше, чем на половину, и составлял 26,0 % от всех наличных дворов. За 1917–1920 гг. сам промысел, теряя предпринимательскую основу, приобрел в значительной мере потребительский характер. Получил развитие ряд новых, так называемых «пионерных» промыслов, связанных с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. Среди «непродовольственных» промыслов особое значение имели лесозаготовки и связанная с ними деревообработка. Большая часть лесорубов и сплавщиков привлекалась к лесным работам в порядке трудовой повинности.

С постепенным внедрением нэповских начал в экономике региона возрождаются условия для неземледельческих занятий крестьянства. В среднем по региону к концу 1920-х гг. число крестьянских дворов, занимавшихся промыслом, превышало 70,0 %, но, тем не менее уровень «промысловости» кре-

стьянских дворов отставал от довоенных показателей. По мере выхода из кризиса промысловой отрасли видоизменялась ее структура и характер. Общей тенденцией являлось возрождение традиционной системы домашних (кустарно-ремесленных) и отхожих промыслов крестьянского населения и последовательное углубление диспропорций в их соотношении, главным образом за счет снижения удельного веса домашних промыслов.

По мнению автора, вплоть до начала 1920-х гг. главной причиной, объясняющей «промысловость» крестьянских хозяйств, служили низкие показатели земледельческого производства, с одной стороны, и повышенные демографические показатели – с другой. Многопосевные крестьяне затрачивали больше рабочей силы в своем хозяйстве, а маломощные вынуждены были продавать ее или заниматься самостоятельным промыслом. Состав «промышленников» по их занятию промыслом также зависел от размера полеводческого хозяйства – в земледелие, промышленность и транспорт нанимались главным образом малопосевные и беспосевные крестьяне. В 1920 г. самостоятельные промысловики (ремесленники и кустари) выходили в основном из мелкопосевных и реже – из крупнопосевных групп дворов. В земледельческих уездах Вологодской и Северо-Двинской губерний эти факторы продолжали оказывать воздействие на экономику двора на протяжении всего периода нэпа, в то время как в АО Коми и Карельской АССР и в особенности Архангельской губернии в 1920-е гг. обозначилась прямо противоположная тенденция – уровень «промысловости» дворов возрастал по мере роста производственных параметров хозяйства, что служило дополнительным аргументом в пользу разнонаправленной эволюции крестьянских хозяйств северных и более южных частей региона.

Автор подчеркивает, что изменение производственных факторов двора создавало условия для формирования группировочных признаков промыслово-аграрных и сельскохозяйственно-промысловых дворов крестьян: механизмы формирования дохода, соотношение основных элементов хозяйства с капиталом, эффективность материальных вложений в основное производство. Различия не исключали общих закономерностей развития двора, характера взаимосвязи основных элементов двора, проявлявшихся, в частности, в соотношении рабочей силы и капиталов с размером землепользования. Рост землепользования, равно как и размеры пашни и сенокоса в хозяйстве, были тесно связаны с увеличением числа работников в семье. По мере возрастания посева в хозяйстве увеличивались как фондовооруженность труда, так и размер материальных расходов. Размер капитала и материальных издержек на 1 дес. пашни и луга сокращался в обратной пропорции: от низших посевных групп дворов к высшим. Мелкие дворы вкладывали в 1 дес. земли больше средств, рассчитывая тем самым поправить свой достаток за счет получения более высокого дохода.

Результаты хозяйственной деятельности крестьянской семьи, в свою очередь, были связаны с теми изменениями, которые имели место в распределе-

нии капиталов и материальных затрат. Эффективность материальных вложений в I дес. площади (при одинаковых во всех группах дворов издержках) оказывалась выше в крупных хозяйствах. По подсчетам автора материальные расходы двора в расчете на I дес. сельскохозяйственных площадей были слишком велики и ставляли в преимущественно промышленных районах Европейского Севера в среднем 53,4 %, в земледельческих – 51,6 % от валовой продукции. Данное обстоятельство служило доказательством тому, что восстановление валовых показателей сельскохозяйственного производства в крестьянском хозяйстве не сопровождалось в массе своей его интенсификацией. В то же время конъюнктура народно-хозяйственного развития региона приводила к тому, что в северных районах края сельскохозяйственный доход начинает вытесняться более оплачиваемыми статьями промышленного дохода.

В зависимости от зональной специфики и сочетаемости элементов производства промышленно-аграрная группа крестьянских дворов имела множество видов (моделей): модель развитого полеводческого хозяйства с разнообразными неземледельческими заработками; модель пригородного хозяйства с развитым сбытом продуктов огородничества и рыболовства и заработками на лесопильных заводах; модель поморского хозяйства с развитым рыбным и зверобойно-морским промыслом; модель промышленного лесозаготовительного двора с развитым земледелием; модель скотоводческого двора с промышленным рыболовством; модель молочно-животноводческого двора с промышленным доходом.

По уровню населенности самыми малолюдными были молочно-животноводческие и лесопромысловые хозяйства, наиболее населенными – хозяйства пригородной, полеводческой и скотоводческой моделей. Наибольшим запасом рабочей силы обладали скотоводческие, молочно-животноводческие и пригородные дворы. Эти же модели дворов располагали большей сельскохозяйственной площадью (главным образом сенокосами), но при этом имели наименьшую посевную площадь в среднем на двор. Наибольшим запасом основных средств обладали дворы пригородной производственной модели. Стоимость скота была выше в хозяйствах скотоводческой и молочно-животноводческой направленности.

Распределение капитала в расчете на I рабочую силу подчинялось определенной зависимости: традиционно промышленный двор был богаче земледельческого. Соотношение между производственными фондами и землей (на I единицу сельскохозяйственной площади) менялось в той же последовательности. Объем материальных затрат в сельскохозяйственном производстве в расчете на I рабочую силу семьи и на I единицу сельскохозяйственной площади в промышленных и полеводческо-животноводческих дворах имел приблизительно одинаковый уровень и увеличивался по мере усиления общей экономической мощи двора.

Высокие материальные расходы на сельское хозяйство промышленных дворов находили объяснение в природно-климатических условиях их производ-

ства, более высоком уровне обеспеченности и характере самого производства. По показателям продуктивности отрасли в расчете на хозяйство выделялись животноводческие двory. Объем валовой продукции в отношении единицы сельскохозяйственной площади значительно понижался в полеводческой и пригородной моделях двory. Сельскохозяйственное производство промышленного двора было весьма затратным: в составе валовой продукции издержки составляли около 60,0%. Во всех хозяйствах наименее затратными отраслями являлись огородничество, луговоеводство и птицеводство. Конечный продукт полеводства за разные годы включал в себя от 38,9 до 51,6 % материальных затрат. В 1925/26 г. во всех моделях хозяйств издержки производства в животноводческой отрасли превышали объемы конечной продукции, в 1926/27 г. – снизились до 77,0–90,0%.

В преимущественно сельскохозяйственных районах Вологодской и Северо-Двинской губерний наряду с полеводческими, скотоводческими и молочно-животноводческими хозяйствами сформировалась модель двory с молочно-товарным хозяйством. Количество молочного скота определяло хозяйственную эволюцию двора. Автор анализирует четыре группы двory: бескоровные, однокоровные, двухкоровные, трех и более коровные. Первые две группы двory имели меньше населения и, соответственно, работников, отличались пониженными характеристиками остальных параметров. Нагрузка рабочей единицы в маломощных дворах 1-й группы была в несколько раз меньше, чем в 4-й группе. По своему составу капитал первых двух групп двory был качественно ниже: большая его часть находилась в постройках; в высших группах, наоборот, – в скоте, как наиболее важной части капитала в условиях молочного района. Соотношение между производственными фондами и землей в расчете на 1 единицу пашни выражало ту же тенденцию. Размер чистой продукции в среднем на хозяйство в 4 группе в 2,9 раза превышал показатель 2-й группы, в 1,7 раза по расчету условно чистого дохода на 1 дес. пашни, в 2,4 раза – на 1 единицу рабочей силы.

Процесс формирования капитала двора напрямую зависел от модели хозяйства. Очевидной была связь между объемом накоплений и размером хозяйства. Вслед за постройками, представлявшими основу капитала во всех моделях двory в земледельческих хозяйствах второе место по стоимости занимали скот, различные запасы, затем инвентарь; в промышленных моделях хозяйств на втором по значимости месте находились промышленный инвентарь и скот, на третьем – запасы. Стоимость промышленного снаряжения и иного инвентаря в хозяйствах поморской модели равнялась или даже превышала стоимость скота в сельскохозяйственных типах двory. В скотоводческо-промышленных, животноводческих и молочных моделях скот занимал до 30,0% производственных фондов крестьянского двора.

Таким образом, в течение 1917–1920-х гг. конъюнктура народнохозяйственного развития и регулирующее воздействие государства на хозяйственный механизм явились первоосновой разнонаправленной эволюции крестьянского

двора. С середины 1920-х гг. сельскохозяйственное производство, прежде всего полеводческая отрасль двора промыслово-земледельческой зоны региона окончательно превращается в подсобную отрасль хозяйства, в то время, как в «земледельческих» губерниях набирала силу противоположная тенденция. Независимо от модели хозяйства, в относительно крупном крестьянском производстве организация хозяйственных элементов обеспечивала хороший результат, но число таких дворов было столь незначительно, что не они в конечном итоге определяли общий облик крестьянского производства.

Пятая глава «Эффективность производства крестьянского двора» посвящена изучению доходности двора, его связи с рынком. Основой экономики большинства крестьянских хозяйств при всех резких поворотах в развитии аграрной подсистемы региона 1917–1920-х гг. оставались сельскохозяйственное производство и промыслы. Изменение структуры доходов за счет сокращения более чем в 10 раз удельного веса промысловых заработков и общее снижение доходности двора в период аграрного переворота 1917–1921 гг. по мнению автора, имело следствием натурализацию и замыкание двора в рамках потребительского производства с неизбежной в этом случае деформацией производственных элементов. С введением нэпа начался процесс разрушения потребительско-натурального типа хозяйства. 1923/24 г. стал переломным годом в процессе относительной денатурализации хозяйства и возвращении его к многоотраслевому виду. Несмотря на высокую трудоемкость и усиленное использование пашни и посева, сельское хозяйство очень плохо обеспечивало работника и его семью. День труда в аграрном производстве региона оплачивался на 40,0 % ниже, а едок для удовлетворения своих потребностей имел средств на 21,0 % меньше среднего показателя по Европейской части СССР. Промыслы приносили наибольший доход хозяйствам крайних посевных групп. В целом разная оплата труда в хозяйствах различной мощности объяснялась не только дифференцированной производительностью труда, но и эффективностью одного дня работы, фактически затраченной в хозяйстве. В наиболее крупных дворах оплата дня работы примерно в 1,5–2 раза превышала аналогичный показатель мелкопосевных дворов. В то же время средний по району годовой душевой доход был крайне невелик и исчислялся в 41–47 руб., что свидетельствовало о неизжитой бедности крестьянского населения. Условно чистый доход в крестьянском хозяйстве в основе своей тратился на личное потребление членов семьи. Та его часть, которая обращалась на приобретение новых средств, служила важным источником накопления материального богатства. Повышенной динамикой накоплений капитала отличались малопосевные дворы (до 2-х дес.), но главным источником накопления средств сельскохозяйственного производства, а следовательно, и главным центром восстановительных процессов являлись более крупные хозяйства.

С середины 1920-х гг. постепенно создавались условия для возрождения специализации производства в преимущественно земледельческих районах и одновременно для приложения крестьянского труда и получения дополни-

тельного дохода в промысловых районах Европейского Севера. Абсолютно новые тенденции в развитии доходности крестьянского хозяйства выразились в том, что доход от сельского хозяйства на 1 дес. сельскохозяйственной площади по мере укрупнения двора последовательно сокращался в промысловых районах края и, наоборот, увеличивался в более земледельческих районах. Доходность сельского хозяйства на 1 единицу сельскохозяйственной площади достигала наибольших показателей в хозяйствах скотоводческого и молочно-животноводческого направления. Худшими показателями характеризовались промысловые дворы, в которых сельское хозяйство играло подсобную роль, и материальное производство в сфере сельского хозяйства не отличалось сбалансированностью.

Крестьянское хозяйство на Европейском Севере постепенно освобождалось от пут эгалитаризма, но в силу узости производственной базы, на которой велось это хозяйство, в большинстве случаев оно не имело возможности качественно изменить соотношение основных элементов производства и тем самым увеличить совокупный доход. К концу 1920-х гг. 66,1 % составляли средние дворы со стоимостью основных средств от 201 до 800 руб., имевшие годовой доход в размере от 101 до 400 руб. (75,5 % дворов в Карельской АССР, Архангельской губернии и АО Коми, 68,5 % – в Вологодской и Северо-Двинской губерний). Низкую доходность своего сельского хозяйства крестьянин стремился компенсировать дополнительными заработками вне деревни. Доход от неземледельческих занятий стал играть все большую роль в составе чистого дохода крестьянской семьи и обеспечивал средний по стране уровень материального достатка. В Поморье аграрному производству отводилась вспомогательная роль по обеспечению продуктами питания членов семьи. Производственные характеристики таких дворов уже мало соответствовали параметрам крестьянского хозяйства.

Рассматривая формы взаимодействия крестьянского двора с рынком, автор отмечает, что набиравшая силу тенденция централизованного регулирования обмена в ходе революции 1917 г. трансформировалась в систему государственной хлебной монополии, твердых цен и ограничения рынка. Начало функционирования легальных механизмов рынка связано с 1921 г. Это нашло выражение в расширении государственной и в особенности кооперативной торговли, в постепенной легализации частного торгового капитала. Однако уже во второй половине 1920-х гг. в торговой политике все более явно выступал курс на вытеснение частной торговли. Одновременно возродилась ярмарочная и базарная торговля. Оборот ярмарок на Севере последовательно увеличивался, однако едва достигал 18,7 % от довоенного уровня. Развивалась меновая форма продуктооборота между односельчанами, минуя посредника и рынок. Существовал значительный оборот продуктов и товаров, производившийся порядке натуральной оплаты трудовых услуг. Имел место небольшой односторонний и безденежный поток произведенных в крестьян-

ском хозяйстве материальных благ – уплата натуральной части единого сельскохозяйственного налога.

По мере развития денежных отношений натуральные операции уступали место сделкам купли-продажи. Натуральный обмен, как правило, сопутствовал торговым сделкам, совершаемым между крестьянами и частным посредником, и был присущ торговым операциям внутри деревни между односельчанами. В первой половине 1920-х гг. значительная часть товарного продукта, произведенного крестьянскими хозяйствами региона, не доходила до города. Внутри деревни сбывалось от 24,9 до 37,2 % продукции сельского хозяйства. Удельный вес обратных покупок сельскохозяйственной продукции внутри деревни возрастал по мере укрупнения посевной группировки дворов и составлял 19,4 – 33,8 %. Покупка промышленных товаров внутри деревни равнялась 7,2 – 7,8 % от общего объема приобретений. Во второй половине 1920-х гг. удельный вес внутридеревенского оборота в рыночных связях крестьянского хозяйства возрос до 50,0 %.

Внедеревенская система оборота сельскохозяйственной продукции была связана с государственными заготовками. По условиям региона закупки сельскохозяйственной продукции исключали хлеб и зернофураж. Напротив, имела место тенденция расширения ввоза в регион хлеба, основным потребителем которого были те же крестьянские хозяйства. Более значимое место во внедеревенском отчуждении занимала продукция животноводства, технические культуры, сырье. Ведущую роль в заготовке масла (88,8 % от всех заготовок по региону) и крупного кожсырья (50,3 %) играла Вологодская губерния с ее развитым молочно-животноводческим хозяйством. Ей и Северо-Двинской губернии принадлежало лидерство в заготовках льноволокна.

По подсчетам автора, суммарный вес реализуемых на внедеревенском рынке продуктов в середине 1920-х гг. был ничтожно мал – 3,7 % сельскохозяйственной продукции. Разница в стоимости продаваемых и приобретаемых продуктов одного и того же наименования в отношении к объему валовой продукции двора в расчете на душу населения составляла 6,0–7,0 %, что являлось наивысшим показателем внедеревенского отчуждения за весь период нэпа. Таким образом, уровень торгово-экономических связей двора с народно-хозяйственным механизмом региона и страны оставался минимальным.

Оценивая уровень товарного производства крестьянского двора, диссертант отмечает, что за годы Гражданской войны количество продуктов, которое выбрасывалось на рынок (добровольное и принудительное отчуждение) крестьянскими хозяйствами, составляло чуть более половины довоенных продаж. Соответственно снизился и объем валовой товарности продуктов крестьянского хозяйства. В 1921/22 г. размер добровольного и принудительного (по продналогу) отчуждения составлял 15,3 %. В три раза снизились продажи скота. Тем не менее, баланс продаж и покупок скота был положительным, что свидетельствовало о сохранении элементов товарности животноводческой отрасли. Обратные покупки в крестьянских хозяйствах фактиче-

ски равнялись изъятиям по продрозверстке. Соотношение покупок и продаж двора в 1920/21 г. имело отрицательный показатель (-11,1 %).

Качественные сдвиги в характере крестьянского товарооборота наметились в середине 1920-х гг. и были связаны с восстановлением экономики двора, ростом доходности и стабилизацией финансовой системы страны. Своих максимальных величин уровень товарности сельскохозяйственного производства крестьянского хозяйства Европейского Севера достиг в 1925/26 г. Товарооборот сельскохозяйственной продукции региона (в расчете на душу населения) приобрел положительное сальдо. В совокупном объеме крестьянских продаж сельскохозяйственные продукты составляли свыше 80,0 %, в составе приобретений их доля равнялась 40,7–48,5 %. Основу покупок промышленных товаров составляли продукты личного потребления и, в первую очередь, продукты питания. Тем самым крестьянский товарооборот сохранял четко выраженный продовольственный оттенок. Состав продукции, а также участие в рыночных операциях различных экономических групп крестьянства оставались неизменными с середины 1920-х гг. до конца десятилетия.

Снижение товарности собственного сельскохозяйственного производства, наметившееся со второй половины 1920-х гг., являлось свидетельством сужения рыночного оборота продуктов крестьянского хозяйства и усиления потребительской основы сельскохозяйственного производства. Однако, как отмечает автор, это обстоятельство не служило еще показателем снижения общей доходности крестьянского хозяйства. В главных промыслово-земледельческих районах Европейского Севера во всех без исключения посевных группах крестьянских дворов денежный баланс верстался с остатком. Сельскохозяйственный рынок аккумулировал в 1923/24 г. в среднем 42,8 % доходной части баланса, последовательно уменьшаясь от низших посевных групп дворов к высшим. В последующие годы при абсолютном росте доходности двора роль дохода от рыночных продаж снизилась более чем в два раза (до 21,2 %). К концу 1920-х гг. в промыслово-земледельческих районах сельское хозяйство окончательно приобретает подсобный характер. Основа денежных поступлений в крестьянское хозяйство не была связана с рыночным оборотом продукции и формировалась за счет «поступлений денег без продаж», т.е. отчуждения рабочей силы на неземледельческие заработки.

В сельскохозяйственных губерниях Европейского Севера денежный баланс двора формировался на иной основе. Роль рыночных продаж собственной продукции в доходной части бюджета крестьянской семьи в абсолютных и относительных показателях постепенно увеличивалась, в первую очередь, за счет увеличения продаж мелкими и крупными дворами. При этом увеличение отчуждений в мелкопосевных дворах имело вынужденный характер, в то время как в зажиточных дворах служило показателем роста их товарности.

Таким образом, с начала 1920-х гг. крестьянский двор постепенно втягивался в систему хозяйственных отношений, основанных на признании регулирующих возможностей рынка. Социально-экономические условия, порожи-

денные нэпом, влияли на структуру доходов крестьянского двора, ускоряя процессы экономической дифференциации. В то же время низкий уровень производственной базы не способствовал развитию товарности хозяйства двора. Продукция крестьянского хозяйства практически не поступала во внедеревенский оборот. Крестьянский двор промысловых районов края все больше ориентировался на получение неземледельческого дохода.

В Заключении подведены итоги и сформулированы основные выводы проведенного исследования.

Производственная и социальная жизнь крестьянства северной деревни 1917–1920-х гг. замыкалась в рамках мелкого дворохозяйства. Институционализация нового общественного строя укрепила положение двора в качестве ведущего объекта государственной политики и главного субъекта аграрной подсистемы региона. Отказ от политики «непосредственного перехода к социализму» в 1920-х гг. соответствовал интересам мелкого производителя и обусловил разнонаправленную эволюцию крестьянских дворов: с одной стороны, их архаизацию, с другой стороны, трансформацию патриархальной семьи, мобильность, гарантии землепользования, легализацию рынка труда и товаров, аренды, реализацию модернизационного потенциала, характер связан с народнохозяйственным механизмом, раскрестьянивание.

На протяжении 1917–1920-х гг. ведущим фактором крестьянского производства оставалась обеспеченность двора рабочей силой. Демографическая ситуация в северной деревне характеризовалась последовательным увеличением крестьянского населения и опережающим ростом крестьянских дворов, что в конечном итоге содействовало расширению рамок аграрного перенаселения. Это находило проявление в росте избыточного труда, снижении его затрат на свое хозяйство, расширенном расходовании труда вне производства двора и снижении возможностей применения найма рабочих рук в крестьянском хозяйстве. Труд наемных работников имел большее значение в производственной деятельности слабых и средних крестьянских дворов, чем крупных. Распространение найма в данном типе дворов отражало еще одну, присущую только Европейскому Северу черту крестьянской экономики. По мере того, как восстанавливались условия для развития промыслов, суливших хозяйству больший доход, чем сельское хозяйство, крестьяне использовали свои рабочие силы на отхожих заработках, нанимая батраков для сезонных работ в собственном хозяйстве или сдавая землю в аренду. В конечном итоге отношения найма-сдачи рабочей силы вплоть до конца 1920-х гг. не достигли довоенного уровня и в своей основе сохранялись на уровне традиционного найма «из нужды».

Основу жизнедеятельности мелкого дворохозяйства составляла эксплуатация земли. Законодательно закреплялись такие формы землепользования, как земельные общества, индивидуальное и коллективное землепользование. Промежуточной формой между общинным и участковым землепользованием являлись крестьянские «расчистки», которые регулировались нормами обыч-

ного права и рассматривались крестьянами как неотъемлемая собственность двора. В распоряжении крестьян-общинников в 1920-е гг. было сосредоточено 96,3 % сельскохозяйственных угодий. Внутренний строй всех субъектов землепользования подчинялся логике крестьянского общинного производства. Деревня не избавилась от вековых земельных неурядиц, органически присущих общинной форме землепользования, – дальнотемелья, межселенной и внутриселенной мелкополосицы и чересполосицы. В северных уездах края по мере увеличения числа хозяйств шел процесс измельчания пашни, что приводило к перестройке структуры посевных площадей в пользу продовольственных культур. При низкой урожайности полеводство в этих районах окончательно приобретало подсобный характер, служа целям обеспечения продовольствием членов семьи, занятых в массе своей вне сферы аграрного производства. В свою очередь, подвижки в распределении скота по посевным группам хозяйств выразились в снижении обеспеченностью скотом беспосевных и малопосевных дворов и увеличении количества скота в средних и высших посевных группах. В большинстве дворов содержалась одна корова и одна лошадь, что соответствовало характеру мелкотоварного, а не предпринимательского хозяйства.

Пережив период резкого сокращения в ходе революции, некоторый импульс к развитию во второй половине 1920-х гг. получили отношения аренды-сдачи земли; однако их уровень значительно уступал дореволюционному времени. Возродилась практика сдачи всей или части земли в аренду уходившими на заработки промысловыми дворами. Аренда носила по преимуществу внутриселенный характер. Формировалась группа дворов, которые имели земельный надел, превышавший средние районные показатели, но при этом стремились посредством аренды расширить свое землепользование. В роли сдатчиков земли выступала небольшая часть представителей низших групп дворов. Арендные сделки носили неустойчивый, эпизодический характер и сохраняли в основе своей потребительский характер. В конечном итоге до конца 1920-х гг. система поземельных отношений в регионе, равно как и отношения аренды-сдачи земли не выходили за рамки традиционных, устоявшихся форм, обеспечивая жизнедеятельность натурального в своих основах крестьянского хозяйства.

С середины 1920-х гг. создаются предпосылки для расширенного приложения крестьянского труда в промышленности и получения промыслового дохода. Одновременно нарастают тенденции коммерциализации сельскохозяйственной сферы. Проявляет себя процесс «эрозии» потребительского хозяйства, завершается формирование группировочных признаков промыслово-аграрных и сельскохозяйственно-промысловых дворов крестьян: механизмов формирования дохода, соотношения основных элементов хозяйства с капиталом и фондовооруженностью труда и эффективности материальных вложений в основное производство.

Разновекторная эволюция сельского двора отражала специфику ранней стадии промышленной индустриализации второй половины 1920-х гг., создавала условия постепенного раскрестьянивания деревни. Низкий уровень обеспечения крестьянского двора капиталом оказывал определяющее влияние на производственную деятельность двора и формирование его дохода. В мелких дворах доход от неземледельческих занятий в совокупности превышал доход от сельского хозяйства, тогда как в наивысших посевных группах основу доходности двора составляло свое сельское хозяйство. Повышенной динамикой накоплений капитала отличались как мелкие, так и крупные дворы, но объем накоплений крупных хозяйств значительно превышал фонд накопления средств производства мелких дворов, поэтому главным центром развития деревенской экономики являлись более крупные хозяйства.

Связь крестьянского хозяйства с внешним миром реализовывалась через механизмы меновых и рыночных отношений, включавших продажу и покупку продуктов сельского хозяйства, фонд натурального накопления, натуральный оборот сельскохозяйственной продукции (в виде платы за работы и услуги) и натуральный налог, имевший место до 1924 г. Более 1/3 товарного продукта, произведенного крестьянскими хозяйствами, сбывалось внутри деревни. Наибольшей связью с внутридеревенским рынком отличались средние дворы. Внедеревенский оборот сельскохозяйственной продукции крестьянского хозяйства на Севере в среднем не превышал 6,0 – 7,0 %. Специализация хозяйства определяла место рынка в денежном балансе крестьянских дворов.

Со второй половины 1920-х гг. наметилось снижение товарности сельского хозяйства, что являлось свидетельством усиления потребительской основы производства, в особенности промыслово-земледельческих дворов. Денежный доход всех дворов такого типа формировался за счет продажи рабочей силы вне своего хозяйства. В аграрно-промысловых районах почти равную с рынком долю дохода приносили промыслы и продажа труда вне своего сельского хозяйства. Общая низкая товарность сельскохозяйственного производства превращала северного крестьянина в потребителя городских продуктов, в первую очередь, продовольственных товаров.

В конечном итоге развитие хозяйственных и производственных параметров двора, обладая определенной динамикой, не выходило за рамки традиционной, значительно архаизированной аграрной подсистемы экономики региона. В относительно крупном по меркам региона крестьянском производстве организация базовых элементов давала значительно больший эффект. Крупные крестьянские хозяйства, права на существование которых власть не признавала, могли составить основу модернизации сельской экономики, но их число было столь незначительно, что не они в конечном итоге определяли общий облик крестьянского производства. К концу 1920-х гг. северная деревня представляла собой огромный массив крестьянских дворов, мало связанных со сферой народнохозяйственных отношений, собственное производство которых сохраняло потребительский характер. Именно на этой традиционной

основе сохранялись механизмы самовоспроизводства и самосохранения крестьянского двора.

Публикации по теме диссертации

Монографии:

1. Саблин В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921. (Социальные и экономические результаты): Монография. – Вологда: «Легия», 2002. – 22 п.л.
2. Саблин В.А. Экономика крестьянского двора на Европейском Севере России в 1920-е годы (к проблеме модернизации аграрной подсистемы): Монография. – Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2006. – 11,9 п.л.

Статьи в научных журналах (в соответствии с перечнем ВАК):

3. Саблин В.А. Белое движение и крестьянство в 1917–1920 гг. // Преподавание истории в школе. – 2003. – № 8. – 0,4 п.л.
4. Саблин В.А. Хуторское хозяйство на Европейском Севере России в сфере государственной политики 1917–1920-х гг. // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2005. – № 1. – 0,6 п.л.
5. Саблин В.А. Эффективность производства и доход крестьянского двора на Европейском Севере России в 1920-е годы // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2006. – № 5. – 0,5 п.л.

Статьи в научных сборниках:

6. Саблин В.А. Начальный этап социалистического строительства в деревне Северо-Двинской губернии // Проблемы социально-правовой и культурной истории северного крестьянства (советский период). – Вологда: Вологодский гос. педагог. ин-т 1982. – 0,7 п.л.
7. Саблин В.А. Создание низового советского земельного аппарата на Европейском Севере в 1918 году // Советы и творчество масс. Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1986. – 0,5 п.л.
8. Саблин В.А. Земельная политика партии в северной деревне 1917–1920 гг. // Социально-экономическое развитие северной деревни (Советский период): Межвузовский сборник научных трудов. – Вологда: Вологодский гос. педагог. ин-т, 1988. – 0,8 п.л.
9. Саблин В.А. Крестьянство в политике северной контрреволюции (Крах земельного курса архангельской белогвардейщины. 1918–1920 годы) // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе (Труды Коми научного центра УрО АН СССР, № 112). – Сыктывкар: Коми научный центр УрО АН СССР, 1989. – 0,4 п.л.
10. Саблин В.А. Судьбы северного крестьянства в Октябрьской революции и Гражданской войне // Сквозь бури Гражданской войны. «Круглый стол» историков. – Архангельск: АГПИ им. М.В. Ломоносова, 1990. – 0,4 п.л.
11. Саблин В.А. Северное крестьянство в Февральской революции // 1917 год в исторических судьбах России: научная конференция «Проблемы истории Февральской революции» Материалы I сессии. – М.: МГПИ, 1992. – 0,4 п.л.
12. Саблин В.А. Уровень благосостояния крестьянства Европейского Севера РСФСР в 1917–1921 годах // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (Советский период): Межвузовский сборник научных трудов. – Вологда: Изд-во Вологодского гос. педагог. ин-та, 1992. 0,7 п.л.
13. Саблин В.А. Демографические изменения в деревне Европейского Севера России за годы Гражданской войны // Сельское расселение на Европейском Севере России: Межвузовский сборник научных трудов. Вологда: ВГПИ; Изд-во «Русь», 1993. – 0,7 п.л.
14. Саблин В.А. Политические настроения крестьянства Севера Европейской России в годы Гражданской войны // Постигая прошлое и настоящее: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. I, I п.л.

15. Баранов Д.В., Саблин В.А. 1933–1936 годы в грязовецкой деревне (Дневник А.И. Железнякова) // Вологда: Историко-краеведческий альманах – Вып. 1.–Вологда: Изд-во ВГПИ «Русь», 1994.– 2,6 / 1,9 п. л.

16. Саблин В.А. Хроника отчаяния и борьбы (Вологодская деревня в годы Гражданской войны) // Вологда: Историко-краеведческий альманах – Вып. 1. – Вологда: Изд-во ВГПИ «Русь», 1994. – 0,6 п. л.

17. Саблин В.А. Революция и Гражданская война в России (1917–1922 годы). // Лекции по истории России (XIX–XX вв.). Ч. II. Курс лекций. - Вологда: Волог. гос. технич. ун-т, 1996. 0,5 п. л.

18. Саблин В.А. Шекснинское восстание 1918 года // Череповец: Краеведческий альманах. – Вып. I. – Вологда: ВГПУ, 1996. – 0,5 п. л.

19. Артемова О.В., Безнин М.А., Камкин А.В., Саблин В.А. Исторический очерк деревень Алскино, Леонтьевщина, Уткино // Вологда: Историко-краеведческий альманах. – Вып. 2. – Вологда: Изд-во ВГПУ «Русь», 1997. – 8,9 / 2,2 п. л.

20. Саблин В.А. Крестьянство Европейского Севера в Гражданской войне: Характер политических настроений // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. – Архангельск: ИГУ, 1999. – 0,4 п. л.

21. Саблин В.А. Земледельческое производство на Европейском Севере в первой половине 1920-х гг. (характер восстановительных процессов в северной деревне) // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. – Вологда: ВГПУ, 2000. – 1,0 п. л.

22. Саблин В.А. Найм рабочих рук в аграрном производстве на Европейском Севере в годы Гражданской войны // Материалы научных чтений памяти Петра Андреевича Колесникова. Межвузовский сборник научных трудов. – Вологда: Изд-во ВГПУ «Русь», 2000. – 0,6 п. л.

23. Саблин В.А. Органы самоуправления в Вологодской губернии в 1917–1918 годах // Земство в Вологодской губернии и этапы развития народообразования в Вологодской области (по материалам «круглого стола»). 23 марта 2000 года. – Вологда: ВГПУ, 2000. – 0,6 п. л.

24. Саблин В.А. Основные тенденции демографического развития деревни Европейского Севера России в 1917–1920-е годы. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2000. – 0,4 п. л.

25. Саблин В.А. Северная деревня в Гражданской войне: векторы политического поведения // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Материалы межрегиональной научно-практической конференции – Ч. 2. – Вологда: Изд-во Волог. ин-та развития образования, 2000. – 0,8 п. л.

26. Саблин В.А. Сельское хозяйство Вытегорского уезда Олонецкой губернии в 1917–1921 годах // Вытегра: Краеведческий Альманах. – Вып. 2. – Вологда: ИПЦ «Легия», 2000. – 2,2 п. л.

27. Саблин В.А. Сельскохозяйственный налог в вологодской деревне в годы нэпа (Анализ налоговых кампаний 1921/22–1929/30 гг.) // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. – Вып. 2. – Вологда: ВГПУ, 2001. – 2,0 п. л.

28. Саблин В.А. Хуторские хозяйства на Европейском Севере в годы Гражданской войны // Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2001. – 0,6 п. л.

29. Саблин В.А. Крестьянство Севера России в революции и Гражданской войне (1917–1920 годы) // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. – Т. I. – М.: РАН, 2002. – 1,1 п. л.

30. Саблин В.А. Первая мировая и Гражданская войны в восприятии крестьян Европейского Севера // Вологодская область в годы Великой Отечественной войны: уроки прошлого и опыт настоящего. Сб. материалов научно-практического семинара 21 июня 2002 года. – Вологда: Вологод. ин-т развития образования, 2002. – 0,4 п. л.

31. Саблин В.А. Земельная аренда в деревне Европейского Севера России в 1920-е годы // Российское общество и власть в XX веке: Сб. научн. трудов. – М.; Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ун-та, 2003. – 0,9 п. л.

32. Саблин В.А. Земельное общество и сельский Совет на Европейском Севере в 1920-е гг.: характер взаимоотношений // Крестьянство и власть на Европейском Севере России: Материалы научной конференции (г. Вологда, 6–7 февраля 2003 г.). – Вологда: Волог. филиал С.-зап. ак. гос. службы, 2003. 0,5 п. л.

33. Саблин В.А. Судьба помещиков в вологодской деревне в 1920-е годы // Вологда. Краеведческий альманах. – Вып. 4. – Вологда: «Легия», 2003. – 1,1 п.л.
34. Саблин В.А. Товарность крестьянских хозяйств Европейского Севера России в 1917–1920-е гг. // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. – Вып. 4. – Вологда: ВГПУ, 2003. – 0,9 п. л.
35. Саблин В.А. Правовые основания расширения наделного землепользования в северной деревне Европейской России в 1917–1920-е годы // Землевание и землепользование в России (социально-правовые аспекты): материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2003. – 0,5 п. л.
36. Саблин В.А. Хуторское землепользование на Европейском Севере России в 1920-е гг. // Двинская земля. – Вып. 3. – Материалы третьих межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. – Вельск: ОАО «Вельти», 2004. – 0,7 п. л.
37. Саблин В.А. Вельское восстание 1921 года в контексте Гражданской войны на Европейском Севере России // Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. – Вып. 2. – Вельск: ОАО «Вельти», 2004. – 0,5 п. л.
38. Саблин В.А. Воспоминания М.М. Ушакова «Авантюра эзеров в Северном крае в 1921 году. Публикация // Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. – Вып. 2. – Вельск: ОАО «Вельти», 2004. – 0,9 п. л.
39. Саблин В.А. Развитие системы земского и городского самоуправления на Вологодском Севере // Политическая жизнь региона глазами ученых, политических партий и избирателей. – Вып. 2. – Вологда: Обл. изб. комиссия, 2004. – 0,6п. л.
40. Саблин В.А. Крестьянское животноводство на Европейском Севере в 1917–1920-е гг. // Сборник научных работ к 50-летию Михаила Алексеевича Безнина. Проблемы экономической и социальной истории: общероссийский и региональный аспекты (XIX–XX вв.). – Вологда: ВГПУ, 2004. – 0,8 п. л.
41. Саблин В.А. Дважды репрессированные (К вопросу выселения бывших помещиков и использования их имений в 1920-е гг.). // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья. Материалы регионального научного симпозиума (Сыктывкар, 19 октября 2001 г.). – Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2004. – 0,8 п. л.
42. Саблин В.А. Доходность крестьянского двора на Европейском Севере России по материалам бюджетной статистики 1917–1920-х годов // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Материалы научной конференции (5–6 февраля 2004 г.). – Вологда: Вологод. ин-т права и экономики, 2005. – 0,8 п. л.
43. Саблин В.А. Использование рабочего времени в крестьянском хозяйстве Европейского Севера России в годы нэпа // Областные и районные центры и их округа в историческом процессе: управление, экономика, культура. Статьи, сообщения и материалы участников научно-практической конференции. – Яренск: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2005. – 0,4 п. л.
44. Саблин В.А. Размер и структура доходов крестьянского двора на Европейском Севере России по материалам бюджетной статистики 1917–1920-х годов // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвуз. тематич. сб. научн. тр. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – 0,9 п. л.
45. Саблин В.А. Аграрная политика белых правительств на Европейском Севере России и в Сибири во второй половине 1918 – 1919 гг. (проблема выработки общего курса) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 2. – Новосибирск: изд-во СО РАН. – 0,6 п. л.
46. Саблин В.А. Крестьянский двор и рынок на Европейском Севере России в 1917–1920-х гг. // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Орел: ОГУ, 2006. – 0,4 п. л.
47. Саблин В.А. Структура земледелия на Европейском Севере в 1917–1920-х гг. // 1941–1945: Уроки войны уроки правды, мужества и патриотизма: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 24–25 февраля 2005 г. – Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2006. – 0,9 п. л.

Тезисы докладов на всероссийских симпозиумах и конференциях

48. Саблин В.А. Важный источник для изучения крестьянских представлений о решении аграрного вопроса в России // Итоги и задачи изучения аграрной истории РСФСР в свете решений XXVII съезда КПСС. XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Казань, 22–25 октября 1986 года. – М.: Ин-т истории АН СССР, 1986. – 0,1 п. л.

49. Саблин В.А. Данные военной статистики об общественно-политической жизни северной деревни 1919–1920 гг. // Археография и источниковедение Европейского Севера РСФСР. Тезисы выступлений на республиканской научной конференции. Вологда, 2–5 июня 1989 г. – Ч. I. – Вологда: ВГПИ, 1989. – 0,2 п. л.

50. Саблин В.А. «Вольный рынок» на Европейском Севере в годы Гражданской войны: История и современность // Европейский Север: История и современность. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР, 1990. – 0,1 п. л.

51. Саблин В.А. «Вольный» рынок на Европейском Севере в годы Гражданской войны // Аграрный рынок в его историческом развитии. XXIII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. – Свердловск, 24–27 сентября 1991 г. – Ч. I. – М.: Ин-т истории РАН, 1991. – 0,1 п. л.

52. Саблин В.А. Политические настроения крестьянства Европейского Севера РСФСР в 1918–1919 годах // История советской России: новые идеи, суждения. Тезисы докладов республиканской научной конференции. – Ч. I. – Тюмень: ТГПИ, 1991. – 0,1 п. л.

53. Саблин В.А. Управление тундрами на «Белом» Севере в 1918–1920 гг. // Развитие советских финно-угорских народов: история и современность. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1991. – 0,1 п. л.

54. Саблин В.А. Северное крестьянство в Февральской революции (февраль–октябрь 1917 г.) // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда. Октябрь 1992. – Ч. II. – Вологда: ВГПИ, 1992. – 0,2 п. л.

55. Саблин В.А. Социально-экономические и демографические процессы в северной деревне в годы Гражданской войны // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда. Октябрь 1992. – Ч. I. – Вологда: ВГПИ, 1992. – 0,1 п. л.

56. Саблин В.А. Основные тенденции демографического развития деревни Европейского Севера России в 1917–20-е годы // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. XXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Тамбов, 15–18 сентября 1998 г. – М.: РАН, 1998. – 0,1 п. л.

57. Саблин В.А. Хуторские хозяйства на Европейском Севере России в конце Гражданской войны (к вопросу об экономической идентификации) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, менталитет). XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 12–16 сентября 2000 г. – М.: РАН, 2000. – 0,2 п. л.

58. Саблин В.А. Правовые основания расширения наделного землепользования в северной деревне Европейской России в первой четверти XX века // Землевладение и землепользование в России. XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Калуга, 24–28 сентября 2002 г. – М.: РАН, 2002. – 0,1 п. л.

59. Саблин В.А. Типологическая трансформация крестьянского двора на Европейском Севере России в 1920-е годы (к вопросу модернизации аграрной подсистемы) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума: XXX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Тула. 19–23 сентября 2006. – М.: РАН, 2006. – 0,1 п. л.

Саблин Василий Анатольевич

Крестьянский двор на Европейском Севере России в 1917–1920-е годы

Специальность – 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

Подписано к печати 31. 10. 2006. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3. Тираж 100 экз.